

ФАНТАСТИКА

АЛЕКСЕЙ РУДАКОВ

МЕДИА
КНИГА

ДЕВЯТАЯ СТРЕЛА ХАОСА

Алексей Рудаков

Девятая стрела Хаоса

«МедиаКнига»

2023

Рудаков А. А.

Девятая стрела Хаоса / А. А. Рудаков — «МедиаКнига», 2023

Студия «МедиаКнига» представляет книгу известного российского писателя-фантаста Алексея Рудакова «Девятая стрела Хаоса».. Все события в этом тексте выдуманы и не имеют никакого отношения ни к какой из известных игровых вселенных. Совпадения – случайны и не претендуют на какой-либо лор. Господам заклёпочникам и ревнителям веры – что лоялистам, что хаоситам и прочим: Не тратьте силы. Писалось для фана, не более того. Если Ваша вера сильна и всё, не совпадающее с ней ересь – не читайте. Нервы – они дороже. Ну а всем остальным – *absit invidia verbo!*.

© Рудаков А. А., 2023

© МедиаКнига, 2023

Содержание

Часть 1	7
Запись номер MXXP-24-CCBA-001	7
Запись номер MXXP-24-CCBA-002	9
Запись номер MXXP-24-CCBA-003	11
Запись номер MXXP-24-CCBA-004	13
Запись номер MXXP-24-CCBA-005	15
Запись номер MXXP-24-CCBA-006	16
Запись номер MXXP-24-CCBA-007	19
Запись номер MXXP-24-CCBA-008	21
Запись номер MXXP-24-CCBA-009	23
Запись номер MXXP-24-CCBA-010	24
Запись номер MXXP-24-CCBA-011	26
Запись номер MXXP-24-CCBA-012	27
Запись номер MXXP-24-CCBA-013	29
Запись номер MXXP-24-CCBA-014	31
Запись номер MXXP-24-CCBA-015	33
Запись номер MXXP-24-CCBA-016	35
Запись номер MXXP-24-CCBA-017	37
Запись номер MXXP-24-CCBA-018	38
Запись номер MXXP-24-CCBA-019	40
Запись номер MXXP-24-CCBA-020	42
Запись номер MXXP-24-CCBA-021	44
Запись номер MXXP-24-CCBA-022	45
Запись номер MXXP-24-CCBA-023	48
Запись номер MXXP-24-CCBA-024	50
Запись номер MXXP-24-CCBA-025	53
Запись номер MXXP-24-CCBA-026	54
Запись номер MXXP-24-CCBA-027	56
Запись номер MXXP-24-CCBA-028	58
Запись номер MXXP-24-CCBA-029	60
Запись номер MXXP-24-CCBA-030	62
Запись номер MXXP-24-CCBA-031	64
Запись номер MXXP-24-CCBA-032	65
Запись номер MXXP-24-CCBA-033	67
Запись номер MXXP-24-CCBA-034	69
Запись номер MXXP-24-CCBA-035	71
Запись номер MXXP-24-CCBA-036	74
Запись номер MXXP-24-CCBA-037	77
Запись номер MXXP-24-CCBA-038	79
Запись номер MXXP-24-CCBA-039	81
Запись номер MXXP-24-CCBA-040	82
Запись номер MXXP-24-CCBA-041	85
Запись номер MXXP-24-CCBA-041	88
Запись номер MXXP-24-CCBA-042	90
Запись номер MXXP-24-CCBA-043	92
Запись номер MXXP-24-CCBA-044	93

Запись номер МХХР-24-ССВА-045	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Алексей Рудаков

Девятая стрела Хаоса

Дисклеймер:

Все события в этом тексте выдуманы и не имеют никакого отношения к известной игровой вселенной. Совпадения – случайны и не претендуют на какой-либо лор. Господам заклёпочникам и ревнителям веры – что лоялистам, что хаоситам и прочим: Не тратьте силы. Писалось для фана, не более того. Если Ваша вера сильна и всё, не совпадающее с ней ересь – не читайте.

Нервы – они дороже.

Ну а всем остальным – absit invidia verbo!

* * *

Архив отдела дознаний – туба с личным делом инквизитора [*имя трижды вычищено*]. Запись представляет сохранённые участки личного дневника [*информация закрыта*], сделанные им во время исполнения своих обязанностей в ходе Синего, и прочих кризисов.

(НАЧАЛО СОХРАНЕННОГО УЧАСТКА 1 – борт Боевой Баржи Ордена)

Часть 1

Запись номер MXXP-24-ССВА-001

Мой Император!

Я пишу тебе эти строки кровью своего сердца, утвердив планшет на остывающем труп еретика, осмелившегося отрицать Твоё Божественное право на Истину.

Глупец!

Он, как и многие другие жители этого мира, недостойного взирать на Лик Твой, был наказан за ересь, и сейчас лишь пепел тел тех, кто сомневался, что Истина – это Ты, усеивает равнины Таргик Д.

Во Славу Твою и Чистоты помыслов наших ради!

Но довольно о ереси, её и так, в мире нашем, после ухода твоего, много стало.

Каюсь, Отче – грешен.

Грешен, ибо несовершенен от рождения. Да и разве может быть безгрешен скромный следователь Святого отдела расследований еретической греховности? «Встав на грязную дорогу будь готов ноги запачкать» – эти Твои слова наполняют меня решимостью, каждый раз, когда тёмные эманации Неназываемого проступают на лицах грешников, зачастую терзая плоть мою постыдными желаниями. Но сие есть мои грехи и мне, ответ за них держать.

В своё время, или несколько позже. Второе, господин и Отец мой – предпочтительнее.

Но речь свою держу я не о своей ничтожной во всех отношениях, личности.

Отче!

Не ты ли сказал, отвечая праведникам – «Разве я – сторож брату моему?». Вот и мне, Господин мой, Судьба, Дланью Тобой Руководимая, сей вопрос бросает!

Укрепи же меня!

Стало известно мне, о Отче наш Всеблагой, что примарх наш, массовые аутодафе проводя, зело радуется, находя в страданиях очищаемых Святым огнём тел, веселящее зрелище.

Но разве пристойно нам, слугам твоим, поставленным Тобой на страже Чистоты Побуждений Человечества, предаваться веселию в такой момент?

Нет!

Нет, нет и нет!

Ибо краем мы оболочки телесные лишь. Души же, очистившись в беседах с братьями дознавателями, чисты и готовы предстать пред тобой в белом свете невинности.

И предстанут! Немедленно!

Как только пламя очищающее плен брэнного тела развеет.

Не радость, но скорбь должна наполнять сердца наши в момент, когда брэнные оболочки спадают! Ибо вина наше в этом есть – не уберегли созданий Твоих, позволив Нечистому тела сии осквернить! Не веселие это, но...

(запись прерывается)

Прости, Отче.

Надо отложить планшет и взяться за верный огнемёт – еретики этой планеты вновь идут в атаку, прикрываясь волнами мутантов и мутанток. Некоторые из последних весь...

Прочь! Прочь греховные мысли!

(...запись прерывается, фоном идут крики, шипение огнемёта и хриплые мужские голоса, слитным хором выводящие строки Святого Гимна «Коль славен Отец наш на Троне Златом»
...)

Запись номер MXXP-24-ССВА-002

Во славу Императора и человечества!

Проглядывая свои записи, обнаружил я, преступную небрежность сего повествования. А именно – отсутствие описания того, как скромный работник офиса Инвизиториума оказался на борту боевой баржи космодесанта.

Что же.

Вознеся покаянные молитвы спешу исправить свою халатность, уповая на милость читателей, кои не донесут сей прискорбный факт в соответствующие их высокому рангу, инстанции.

Несовершенство нашего мира – вот причина, приведшая меня на борт сего славного корабля. И оно, это несовершенство, проистекает из того, что Отец наш, восседающий на Золотом Троне, не может более уделять внимания своего своим детям – человечеству.

Но – тссс...

Ни слова более, ибо от мыслей подобных всего шаг до сомнений, а от сомнений к ереси, со всеми положенными ситуации, последствиями.

Но в моём случае всё было именно так. Халатность, граничащая с преступной небрежностью в части сохранения отчётов, была той верёвочкой, потянув которую Судьба, восседающая на правом плече Отца нашего, привела меня на борт этого корабля. Всё, что от меня требовалось, так это найти в архиве Примарха пару папок и, вознеся благодарственные молитвы, удалиться, не нарушая спокойствие братьев фактом своего присутствия.

Судьба же, не иначе как проникнувшись эманациями Господина нашего, решила иначе, и Примарх, обратив внимание на мою ничтожную персону, приказал мне остаться, дабы было кому охранять души братьев от скверны ереси. Последняя, если верить его словам, а не верить столь достойному Сыну Его я, по понятным причинам, не мог – так вот, она, ересь мерзкая, только и занималась тем, что искушала братьев, подсовывая им одно испытание за другим.

– И кто как не ты! – прогудел он, глядя на меня с высоты своего гигантского, по масштабу простых смертных, роста: – Инквизитор! Должен встать! На пути её! Дабы живота своего не шадя! Щитом веры оградить Сыновей Его от козней сил тёмных!

Последняя фраза, слишком длинная по меркам человека, привыкшего общаться коротким командным лаем, явно утомила моего нового командира. Последовал взмах руки и брат-интендант, получивший кодовое распоряжение, повёл меня на склад, где я был одарён комплектом миниатюрной, по меркам космодесанта, брони. Ну хоть не женской, не той, что для Сестёр Битвы, и на том, Отче, спасибо.

От вознесения благодарственных молитв меня удержал всё тот же брат-интендант – увидев, как я опускаюсь на колени, дабы пропеть благодарственную литанию, он скривился и сухо сообщил, что здесь, в космодесанте, предпочитают возносить молитвы посредством болтера, благо его заряды, куда как вернее множества слов, доносят до еретиков и ксеносов волю Отца.

От такой ереси я просто лишился дара речи, наяву осознав, как правоту слов Примарха – да, работы для меня здесь было полно, так и гений Отца, направившего скромного служку нашего офиса именно сюда.

Позже, когда мне удалось более полно познакомиться с братьями и даже завести дружбу с некоторыми из них, я понял, что мои первоначальные страхи касательно гнезда ереси обнаруженного на борту были сильно преувеличены. Но это всё произошло позже – сейчас же я приходил в себя на полу каптёрки, получив от брата-интенданта тычок в грудь, прервавший мои рассуждения о необходимости молитв во славу его. Решив более не искушать ни судьбу,

ни тело я откланялся, и, взвалив на плечо мешок с бронёй и оружием, двинулся на поиск своей кельи, следуя за сервитором, в память которого был заложен план корабля.

Если с бронёй всё было ясно – Слава Золотому Трону она ничем, кроме отделки, не отличалась от бывшей у меня в офисе, то вот оружие, выданное мне интендантом, заставило меня лишний раз усомниться в чистоте его помыслов. Огнемёт. Не болтер, гравган, или, снискавшая моё уважение Благословенная плазма. Нет. Кофр, выданный мне в каптёрке, хранил в своём мягком нутре двухпоточный огнемёт, который я если и применял, выжигая гнёзда ереси, то не более пары раз за всю службу, предпочитая этому грозному оружию пару болт-пистолетов – простого и надёжного оружия, не раз выручавшего меня в служебных командировках. Но таков был приказ Примарха и не мне осуждать решения человека, бывшего частицей плоти нашего Отца.

Запись номер МХХР-24-ССВА-003

Отче!

К стопам твоим припадаю, ибо наказан безвинно!

Примархом нашим епитимья на слугу твоего ничтожного наложена!

И было б за что! Нет вины за мной! Ведь как было всё – направил Примарх меня за обустройством места лобного наблюдать. За монтажом одного.

А строители, старшим над которыми Примархом был поставлен брат Кирриус – ошиблись. Не иначе тёмные силы их попутали – портал, со словами Твоими, про Огненное Очищение, они на почти на стопу священную ниже возвели.

Их ошибка?

Несомненно!

Я так, брату Примарху и доложил – мол всех их к дознавателям отправить надо – налицо злонамеренное искажение воли Всеблагого. А он мне – исправляй, других монтажников у меня нет. И как? Как исправлять-то?! Не столб же, аутодафный, укорачивать?

Святотатство!

В общем, Отче, вознеся молитвы Тебе, столб я вперёд выдвинул – так даже красивее вышло. На переднем плане еретики горят, а над ними, сзади, проступая сквозь дым и пламя, Слова Твои виднеются.

Только вот брат Примарх не оценил. Возмущался, инициативу мою хуля и перед всеми братьями, епитимию огласил.

Три дня на воде. И, конечно же, в молитвах о воздании мне мозгов – милостию Твоей.

Очень обидно было. Сам же, когда я монтажников наказать просил – напомнил о всеблагости и всепрощении Твоём, а как до меня дело дошло, так и не вспомнил.

Но я, сокрушаясь о неразумности своей – ибо кто я, брата старшего осуждать, наказание сие углубил.

Добавил спирт к воде.

Ибо горек он. Столь же горек, как мир наш, Тобою покинутый.

И вода. Как память о пресноте сущего, без взора твоего благодатного.

Брат Примарх лишь головой качал, когда братья меня из кельи выносили, да на ноги поставить пытались. Последнее – чтобы я самолично мысль сию – о спирте и воде, Примарху поведать смог.

Поведал, и, Отче, хорошо поведал – братья, все присутствующие тогда, воодушевились, слова мои услышав. Даже сам Примарх проникся. А проникнувшись, отправил меня на поверхность – мы как раз над Кроксом Четыре были. С новой епитимией.

Мёртвый мир, Эльдарами Тёмными оккупированный, очищать.

Слава Тебе, не весь.

Еретиков вразумлять, да души их заблудшие, к свету вести, предстояло мне в небольшом квадранте, границы коего Примарх самолично утвердить соизволил.

И вразумлял, Именем Твоим, и вёл – Освященным пламенем путь указывая. Кому? Да душам их, тёмным. Если, конечно, есть они, у ксеносов этих.

Но сия загадка не по моему разуму.

Я ведь всего лишь скромный слуга отдела расследований, куда мне до столь сложных и высоких материй.

И это наказание я, смирения полный, выполнил. А как на борт Баржи нашей вернулся – так опять Примарх недоволен – никого для показательного аутодафе на привёл.

Каюсь.

Грешен в усердии своём.

Спеша епитимию выполнить, жёг я ксеносов без счёта, добивая выживших, дабы не один из Тёмных не осквернял более просторы мира сего.

Но тут не только моя вина. Добрый Механикус Орденский, когда я с просьбой о регулировке огнемёта своего обратился, столь ревностно подошёл к задаче, что у еретиков не было и шанса выжить, когда пламя, очищающее, касалось тел их, греха полных.

Да и я сам, желая лучше Ордену послужить, переусердствовал излишне, нанеся слова Псалмов Священных на бока оружия своего.

Виновен! В излишнем рвении. И не оспариваю вину свою.

А дабы более не расстраивать брата Примарха, сам накладываю на себя епитимию.

Ту самую – из воды. И благо баржа наша, домом Ордуса *Bacillo Ferreo Immisso*, в просторечье Ордосом Кочерганус, именуемого, держит путь на отдалённый мир, времени у меня, для осознания вины своей – предостаточно.

Запись номер МХХР-24-ССВА-004

– Инквизитор! – С экранчика, возникшего перед сервитором, на меня смотрел сам Примарх: – Хватит наш кислород жрать! Дело по твоей части! Спустишься на палубу 24. Сегмент Тетта-Семнадцать. Пехота, перевозимая на Фалий Один, оказалась заражена ересью.

– Мой господин, – смиренно склоняю голову, не вставая с колен – его вызов застал меня во время молитвы Отцу: – Я готов, со всем смирением, обратиться к их заблудшим...

– Смирение не поможет, – скрежещет он: – Перебиты офицеры, комиссар. Ротный псионик забаррикадировался на хоз складе.

– Но слово Его, – пытаюсь протестовать я: – Молитва добрая...

– Помолишься над их трупами. Приказываю – сегмент зачистить, псионика доставить для допроса. Исполнять!

– Воля ваша – суть закон мне.

– Броню не забудь, – кривится он, окидывая взглядом мою рясу и отключается.

– Вера моя, защитой мне будет, – бормочу в ответ и сервитор, уловив последние слова, начинает выкладывать на полу части брони. А пока он занят, самое время попытаться за Грань заглянуть.

Да прибудет благословение Твое!

Тасую колоду Таро и тяну первую карту.

Да славится имя Твоё! Вторая карта ложится рядом с первой.

Да укрепит меня десница твоя! Третья карта накрывает первые две и я, задержав дыхание, разом переворачиваю их картинками вверх.

Мученик.

С картинки на меня смотрит истощённое, залитое кровью лицо, на котором ярким, фанатичным огнём светятся голубые глаза. Нехорошая карта, и, что хуже – из старшего аркана. О многих мучениях предупреждает она, не суля открывшему её ничего хорошего.

Вторая карта – не лучше.

Сундук Сокровищ.

Не стоит радоваться гряде сверкающих самоцветов, переполняющих окованный золотыми позументами сундук. Многие пробовали добраться сюда, но стоило им, отринувшим слова Отца о скромности, оказаться в двух шагах от своей цели, как всё пошло прахом.

– Из праха мы пришли, в прах и обратимся, – бормочу я против своей воли, с трудом отводя взгляд от скелета, привалившегося спиной к гряде богатств.

Большая опасность по пути, смертельная перед финишем и, сомнительная награда победителю. Не осилить ему вес приза, свалившегося на голову.

Третья.

Теперь на меня смотрит женщина. Призывно и волнительно.

Приди, отдохни в моих объятиях, говорят её полные, слегка приоткрытые губы.

Смирение – вспоминаю я имя этой карты. Смирение плоти, желаний – всего, что может положить конец долгому пути, стоит путнику, не сумевшему побороть соблазн, проявить слабость.

И опять – опасности, правда, на сей раз, духовного, не физического характера.

Что ж... Предупреждён – значит вооружён.

И глупы те, кто карты эти, созданные волей Его, не ценят. Ибо через них Он, дань свою, поддержки душ наших, протягивает, каждый раз, ради чада своего, через пропасти ледяные и искажённые, спасительный мост прокладывая.

– Сохрани душу мою, плоть мою убереги нечистого поругания от, – торопливо защёлкивая замки брони, проговариваю молитву о спасении: – С именем Твоим на устах и с огнём твоим в сердце, да преодолею я препоны с искусами, погаными сотворённые!

– Ты там скоро? – Отворённая сильным пинком дверь с грохотом врежется в стенку – возникший на пороге брат Модест явно находится не в лучшем расположении духа.

Это понятно – кому понравится, когда на твоём корабле, в твоём доме, вот так свободно проявляются ростки ереси. И не тонкие, в виде шепотков по углам, а самые что ни на есть взрослые, чьи ветви уже отяжелены плодами мятежа, спелыми и готовыми наполнить весь корабль своими тяжкими эманациями.

– Уже иду, добрый брат, – поклонившись, подхватываю с койки огнём: – Мир тебе, воин света. И да придёт вера...

– Прибудет! – Коротко хохотнув он хватает меня за шейный вырез брони: – Конечно ж придёт, жрец! Куды ж она денется-то?

По понятным причинам ответить не могу – не очень-то сподручно говорить, когда тебя как куклу, нет, как раба за шейную колодку, тянет за собой сильная рука.

К счастью наше совместное путешествие длится недолго.

Поставив меня перед створками лифта, брат Модест отступает назад с видом человека, выполнившего тяжёлую и край как неприятную, работу.

– Лифт сейчас будет, куда идти, что делать – знаешь.

Створки лифта, подтверждая его слова, начинают раскрываться и я, спеша убережусь от вполне вероятного пинка, шагаю внутрь.

– Эээ? Инквизик? – Слыша такой непочтительный оклик, разворачиваюсь, но вместо ожидаемой насмешки обнаруживаю на лице Модеста удивление:

– А ты чего без... – не договорив он щёлкает себя пальцем по лбу и морщится – удар выходит на славу.

– Длань Его, да отведёт опасности с пути моего. Дыхание его, да сметёт...

– Во псих! Куды ж без каски-то?

Сомкнувшиеся створки отсекают брата от меня, и я продолжаю, радуясь возможности завершить молитву:

– Да сметёт врагов с пути моего. Взор Твой, солнцам подобный выжжет обман и морок, а...

Короткий толчок и створки вновь приходят в движение.

Что? Уже? Я думал, что лифт минут пять ползти будет, а тут вон оно как.

– А ересь, убоявшись оружия твоего, коим стану я, волю Твою исполняющий, огнём гнева Златого, да вычищена будет! – Быстро завершив молитву делаю шаг из лифта и его створки, лязгнув у меня за спиной, словно служат сигналом для множества неясных силуэтов, возникающих в конце коридора.

Запись номер MXXP-24-ССВА-005

Грешен!

Грешен я, Отче!

Неисчислимо и бесконечно грешен – грешил и грешу с первого вдоха моего, грешным же воздухом младенческие лёгкие наполнив! Ибо нет тебя и некому стало мир наш от сей мерзости ограждать, а наши жалкие потуги и близко не сравнить с Подвигом, коей ты выполнял ежесекундно!

Молю, Отче, открой глаза твои, отринь Золотой Сон и очисти Волею Твоей дома детей твоих. Милостиво и Всепрощающе.

Так, как лишь ты умеешь.

Я же, ничтожный и не умелый слуга твой, радостно узрев сие, с благодарственным гимном на устах, на костёр взойду, всем сердцем славя и любя Тебя!

Ибо грешен и недостойн жить в свете Твоём!

Кто я такой, что б детей твоих, в ереси заблудившихся, судить? Сказано же Тобой – «А не судите и не судимы будете!». Но я, закоренелый грешник, взялся судить их, по делам их нечистым!

И стоило только теньям тем смутным в различимые тела одеться, как слуга Твой недостойный, опустив главу, смиренно призвал души их к покаянию.

Смех ответом был мне.

Но не затворило сие сердце моё! Держа его открытым и помня о добродетелях Смирения и Терпения, продолжил я, тоном мягким, отеческим, увещевать их.

Ругательства, да слова поносные, оскорбительные, полетели в меня, но не вспыхнул огонь гнева в груди моей! Коротко, как и приличествует слуге Твоему, вздохнул я, и глас свой возвысив, запел Литанию, Имя, да Доброту Твою, Всепрощающую, прославляющую! Ибо что как не упоминание о Тебе и Жертве Твоей, вернуть души напуганные к Свету Твоему Благодатному, может?

Увы мне, грешному и неумелому!

Закореневшие в ереси мятежники, смехом, улюлюканьем непотребным, да ругательствами в адрес мой разродились! Особо хулили они пение моё, о котором высоко отзывался настоятель нашего отдела – отче Павинус, сравнивая глас мой с трубами приснопамятными, стены градов древних порушивших!

Но стерпел я, хоть и ранила обида сия меня зело сильно.

Грешники же, видя, что слуга Твой, покорно принимает речи сии, оскорбительные, терпение и всепрощение моё, слабостью посчитали. Возомнив себя всемогущими, принялись они, падение своё усугубляя, образ Твой Светлый поносить.

Сего святотатства стерпеть я уже не мог.

(конец теста, далее идёт запись с камеры сервитора)

Запись номер МХХР-24-ССВА-006

Небольшая площадка перед лифтом и длинный, полутёмный коридор, дальний конец которого терялся во мраке – всё здесь было полно хлама. Какие-то бочки, ящики, груды тряпья – можно было подумать, что это место не имело никакого отношения к Боевой Барже Космодесанта, чьи палубы были всегда идеально чисты.

Еретики, их я насчитал около двух десятков, не рискуя выйти на открытое пространство, прятались за всем этим хламом, словно он мог спасти их никчёмные жизни от гнева Его.

– Уходи, жрец! – приподнялась над бочкой каска с темным пятном срезанной эмблемы: – Проваливай! Хватит нам лоялистские сказки гнать! – Возникший рядом ствол лазгана, наглядно продемонстрировал всю серьёзность намерений говорившего.

– Точно! Вали, на[censored]! – Очередной еретик чуть выдвинулся из-за колонны, пара которых обозначала вход в коридор.

– Дети мои! Чада заблудшие! – Пытаюсь образумить их, но рокот, полный возмущения, только растёт. Всё больше и мятежников покидает свои укрытия и, выкрикивая оскорбления мне в лицо, сбиваются в толпу, преграждая проход вглубь коридора.

– Уймись, грешники! – Кричу, пытаюсь достучаться до их душ: – Преступление ваше велико, но милостив Он и...

Короткая вспышка откуда-то из-за их спин и на моей груди появляется светлое пятно раскалённого металла. Что же... Вы сами этого хотели!

Отшатываюсь назад, словно в ужасе от произошедшего, а когда толпа взрывается торжествующими воплями, резко замираю, наводя на бывших гвардейцев стволы выброшенного из-за спины огнемёта.

– И если чадо твоё, не слушает тебя, – под моими пальцами, щёлкают переключатели вывода привычную слуху инквизитора дробь: – И слово отеческое не помогает, – тело огнемёта охватывает мелкая дрожь выходящих на рабочий режим насосов: – То накажи его, сердце своё гневом не очерняя!

ШШШВАахх!

Квадратное, с закруглёнными краями, тело моего оружия дёргается словно подсечённая рыбаком рыба и я, словно вываживая её на берег, вожу спаренными стволами, заливая слитно взвывшую в ужасе толпу, потоками священного огня!

– Прощаю вас, ибо не ведаете, что творите! Ныне же! Души ваши, очищенные и безгрешные, – на моей груди вспыхивают новые ожоги попаданий, заставляя меня сместиться в сторону: – И безгрешные! Предстанут перед милостивым Им! – Засаекаю, где засели упорствующие в ереси своей стрелки: – Да будет норов ваш кроток, когда Он взор свой ласковый, – Немного приподнимаю стволы и кнопка под моим большим пальцем упруго сжимается.

Толчок – шар огня взмывает к потолку, чтобы мгновения спустя окутать своей яростью засевших за бочками грешников: – Взор свой ласковый, на вас обратит!

Крики быстро затихают – не в силах плоть, прикрытая лёгкими жилетами флак-брони, противостоять жару очищения. Против него бессильна даже защита космодесанта, что тут о простой пехоте говорить?

Обхожу почерневшие, ставшие похожими на головешки тела, спеша подарить милость смерти тем, кого очищение не полностью принял. Таких не находится – слишком плотно стояли, слишком мало места было у грешников, пытавшихся бегством своим радость свидания с Ним отсрочить.

Опускаюсь на колени, пристроив огнемёт рядом – тела, воздаяния за грехи свои получившие, вину свою искупили и сейчас самое время напутствовать души, к Нему летящие.

– Прими их милостиво, Отче, – сложив ладони шепчу слова напутственной молитвы, той, одной из первых, которой учат нас, призвав на службу сию: – Грешили они, но Именем твоим очистились и невинные в наготе своей, спешат к стопам твоим припасть, спасения ища, ныне безгрешными став.

Путь, который мне предстоит пройти, прежде чем я окажусь подле отсека-каюты, где забаррикадировался ротный псионик, не так уж и велик.

Прямой коридор, тот самый, с затемнённым концом, тянулся всего на пол сотни метров, оканчиваясь точно такой же площадкой, что и перед лифтом.

От неё шёл новый коридор, раза в два короче первого и упиравшийся в усиленные двери, за которыми располагались казармы – отсек, выделенный мятежному взводу для проживания. Его прямоугольное тело, в дальней от входа части, имело три небольших отделения, в которых расположились старшие офицеры, командир и столь нужный мне специалист.

Почему я назвал его так?

А как иначе? Псионики, чья сила проистекала не от Отца нашего, всегда находились под плотным вниманием Офиса Расследований.

Контактируешь с тонким миром? Того самого, щупальцами Тьмы пронизанного?

Так будь готов, уважаемый пока, специалист, что мы, те, кто на страже Чистоты душ стоят, спросим с тебя – а не слишком ли тонка грань сия? И не идут из-за неё эманации нечистые, покой душ граждан Империи колеблющие?!

Ты, считающий себя, незапятнанным, присядь пока, и не косись на отца-дознавателя, железом гремящим – Отче милостив, несправедливости не допустит.

Однако, спеша поведать вам об отношении нашем к сим спецам, отвлёкся я.

Усердия ради только.

Продолжу.

Так вот, согласно карте, высвеченной моим сервитором поверх своего черепка, идти мне было всего ничего. А учитывая, что большая часть взвода, встретившая меня у лифта, сейчас вымаливала прощение у подножия Трона Его, то путь мой обещал проистекать чинно и плавно – в полном соответствии офису, мною представляемому.

Именно так всё и было. Редкие очаги сопротивления, лёгкие заслоны и засады почти не отвлекали меня по пути к казармам. Но это ни в коем разе не означало, что я имел право ленность проявить, или, не дай Отче, небрежность.

Нет!

Все мятежники, жаждавшие прощения и очищения получали искомое сполна, спеша присоединиться к своим товарищам, благодарственные гимны распеваящим под дланью Его.

Первая площадка.

Выглядываю из-за угла – прямо посреди неё, обложенный мешками и растопырив сошки, утвердился тяжелый ракетный станок. Подле него – расчёт, готовый смести своими хвостатыми снарядами любого, беспечно ступившего на открытое пространство.

– Укрепи, Отче, руци мои, – начинаю тихо молиться, прикидывая дистанцию: – Взор мой, ясным сделай, ибо ради человечества тружусь я, – задрав стволы притапливаю кнопку: – Токмо ради душ заблудших спасения, корысть всякую отринув: – Вжимаюсь спиной в стенку и слыша вопли очищаемых, продолжаю: – Ибо служба тебе, благо высшее есть...

Грохот разрыва и по стене напротив, с визгом проходятся осколки, оставляя на сером металле яркие полосы свежих ран.

Ага. Боекомплект рванул – значит можно идти.

– Славлю Тебя, дитя своё оберегающего, – затянув победную литанию, выхожу из-за угла, держа огнёмёт наготове.

Мало ли что?

На Отче надеяться, но всегда наготове быть надо, – поучали нас в учебке седые, покрытые шрамами ветераны, и не след мне, мудрость старших, через многие испытания прошедших, от себя отталкивать.

Но сейчас, мудрость эта, без надобности – живых здесь нет и в этом, Его добрый знак и одобрение службе своей, вижу я.

Кто как не Он, осколки ракет направил, разом два десятка мятежников к себе призвав?

И, разве не воля Его надоумила в ересь впавших, подтащить сюда не только осколочные, но и термальные заряды, кои, детонацией освобождённые, огненный вал породили, даровав очищение остаткам мятежников, тела свои в коридоре прятавших?

Только вот благой ли это знак, или тревожный?

Бредя по коридору ломаю голову над этой загадкой. Может Он, так показать слабость мою решил? Дабы спасти душу ничтожную, в грешном теле этом пребывающую, от искуса гордыни?

– Отче! – Падаю на колени, истово благодаря Его, что глаза мне открыл: – Слава Тебе! Спас! Не дал оступиться и темным путам гордыни, душу мою опутать! Грешен, Отче! Возгордился преступно, видя задания завершения близость! Грешен!

Запись номер МХХР-24-ССВА-007

Благодарю, Отче!

В бесконечном долгу пред тобой пребываю, милость твою, незаслуженно, получив!

Милостивец!

Нашёлся миг, в делах твоих, и душа моя возрадовалась, знак твой узрев. Ещё миг – и твой недостойный слуга, очистив молитвой душу, Именем Твоим укрепив и оградив её от греха, новое испытание получил!

И вновь Ты, данью своей заботливой, отвёл искусу, не бросая меня на прозябание во тьме нечистой!

Ибо стоило мне, демона гордыни попрасть Именем Твоим, как из отсека казарменного, дева юная, станком стройная, ко мне вышла. В одежды, облегающие облечена, на плече шуйцы – символ Медикуса, на одесной – символ гвардии твоей.

Видя слугу твоего, на коленях молящегося, встала она рядом, поклон отдала, да молвила, вопрошающе – не тот ли я посланник Боевых Сынов Твоих, что её вывести из стен сих мрачных должен?

Отвечаю ей, что воля пославших меня в эту скорбную обитель, требует спасение лишь псионику пехотному даровать, а остальным, тем, чьи души семена ереси не поразили, надлежит спасение самостоятельно, уповая на Имя Его, вести.

Скривилась тогда она, в ответе моём радости себе не найдя.

Мне бы, неразумному, уже тогда должно встревожиться было, но нет!

Пребывая в унынии, дыхание греха гордыни, смрадное, обоняв, не встревожился, радости, на лице медикуса не заметив. Ибо как не радоваться тут, видя слугу Его рядом? Разве не должно всем, помощь делу Его оказывать, спеша волю Высочайшую исполнить?

А девица сия, поняв, что тело свое, суть сосудом греха бывшее, ей самой спасать придётся, искушать меня взялась.

Да, Отче!

Плотью юной, линиями совершенными, формами упругими! Обнажила она тело своё белое и руки ко мне тянет, наслаждения наземные обещая, в обмен на выход из стен этих кровавых!

Но что мне, выбравшему служение Тебе, телесные утехы? Путь свой окончив рядом с Тобой в Вечности пребывать – вот истинное наслаждение и цель, жить, ради которой, стоит!

Поняв, что не поддался я искушению сему, дева рукой повела и пала пелена с глаз моих! Не красу юную, сил жизненных полную, перед собой увидел я, но старика мерзкого, с хихиканьем гнусным на посох, псионическими символами покрытый, опиравшегося.

– Что, – смешком едким речь обильно сдобрив, начал он: – Слаба плоть грешная, усмирению не поддающаяся? Ишь, зарделся, перси узрев! А покраснелся-то как, задышал как!

Каюсь, Отче! Правду он говорил – взволновало меня зрелище плоти той постыдное!

– А хочешь, – продолжил речи он свои искусительные: – Сия плоть, и другие, видом ей не уступающие, твоими станут? Ласковыми, да послушными, радостно любой твой каприз исполняющими?

Ох, Отче!

Наполнился воздух, нас разделяющий, образами сладострастными, слабую плоть мою, формами разными, искушающими.

Но не поддался я! Ибо любовь моя лишь Тебе одному принадлежит!

Как был – на коленях, вознёс я молитву, дух укрепляющую, отринуть стремясь, соблазны,
всё плотнее меня обступавшие!

И вера в Тебя уберегла меня!

Очистился взор мой, стоило лишь первым словам гимна святого с губ моих сорваться!
Узрел я бесовские и постыдные изгибы тел чешуйчатых, слуг Слаанешевских рядом пребывающих! А поняв, что волею Твоей новое испытание мне даровано, вскинул огнемёт свой и в упор, псионика тёмного, душу свою бессмертную Хаосу продавшего, в упор поток пламени святого, излил!

Закричал он, очищение проходя! Истаяла оболочка телесная, душу прогнившую, чешуёй демонической покрытую, обнажая!

Но не убоился я!

С именем Твоим на устах изгнал я тьмы порождение!

Славься же Отец наш! Твоими усилиями, через нас, ничтожных проходящими, да очистится мир сей, греха и тьмы полный!

Запись номер МХХР-24-ССВА-008

Стоя на коленях я вздрагивал, когда слова Примарха, тяжкие в своей обвинительной сути, падали на меня подобно каплям раскалённого металла.

– Уничтожил собственность Имперіума. Самолично покарал еретиков, взяв на себя полномочия суда. – Примарх смолк, давая отдых горлу, отпил води и продолжил: – А так же! В нарушение прямого приказа, уничтожил штатного псионика, проходившего службу в составе сил Астра Милитариум. Это убийство не позволило представителям Префектус Департаменту Мониторум, – последовал кивок в сторону комиссара, с безразличным видом игравшего темляком своей сабли: – Провести дознание о причинах возникшего мятежа.

Слушая эти обвинения я, сохраняя покаянное выражение лица, мысленно читал молитву о ниспослании мне терпения и кротости, коротая время в ожидании заключения. То, что Комиссариат не упустит своего случая подгадить нам, Инквизиторам, я и не сомневался. Видя в нас конкурентов Департамент Перфектус Мониториум, постоянно чинил препоны нашей работе, желая оставаться основной и единственной структурой, имевшей власть над людьми.

И пусть им! Нет у нас притязаний подобного образа. Спасение душ, жизнь вечную им даря – разве может быть цель выше? А тела, власть над ними – тлен это.

Тлен и суета.

– Обвиняемый! – Примарх, закончив с перечислением моих грехов, навёл на меня судейский жезл: – Вам есть что сказать? Вы осознаёте глубину преступления?

– Добрый Примарх, – встав с колен, кланяюсь ему: – Добрые господа, в числе коих особо рад видеть я коллегу своего, служителя славного офиса Перфектус Мониториум, – кланяюсь остальным и сохраняя на лице постное выражение, с удовольствием отмечаю кривую улыбку, исказившую лицо комиссара.

– Грешен! – Вдыхаю и развожу руками.

– Вину – признаёшь? – Следует немедленный взмах жезла.

– Грешен, как и все мы. Ибо Он только безгрешен есть!

– Речь про тебя!

– Да что вы, – шагнув вперёд, комиссар отщелкивает замок кобуры: – Преступление совершено, признание получено. В расход! – В его рука появляется болт-пистолет, направляющий свой воронённый ствол на меня: – Именем Департамента! Объявляю!

– Не стоит так спешить, коллега, – вклиниваюсь в его речь, дождавшись крохотной паузы: – Я выслушал вас, высокие господа, и теперь, покорнейше прошу позволить мне сказать.

– Да что его слушать! Провалил задание! Псионика угробил! – Сухо щёлкает предохранитель: – В расход!

– А ведомо ли, коллеге моему, – откинув капюшон рясы, печально смотрю на начавшего наливаться кровью комиссара: – Что сей специалист, о сохранении которого вы столь сильно сожалеете, был заражён Хаосом?

– Чего? – Пистолет в его руке вздрагивает.

– Зараза Слаанеша, – киваю ему: – Все доказательства в памяти моего сервитора: – Как и моё заключение о необходимости очищения.

– Доказательства – посмотрим, – хмурится Примарх, с явным сожалением откладывая жезл правосудия: – Сервитор где?

– В моей келье, господин, – смиренно опускаю голову: – Он полностью в Вашем распоряжении. Данные скопированы и отправлены в офис Инквизиториум.

– Кхм, – не зная, что сказать, Примарх вертит жезл в руках.

Ну да, дорогие мои, неужели вы думали, что я вот так просто позволю себя к стенке поставить?

– Если вы позволите, – кланяюсь ему и получив разрешающий, хоть и раздражённый кивок, поворачиваюсь к комиссару:

– Уважаемый представитель офиса Перфектум Мониториум, – посылаю ему полную любви улыбку, от которой его передёргивает: – Вы не поведаете нам, отчего вашему уважаемому департаменту, вдруг потребовался заражённый Хаосом специалист? Возможно, будучи загруженный поручениями нашего доброго Примарха, – коротко кланяюсь в сторону замершего на своём месте Примарха: – Я упустил что-то? И Комиссариат теперь ведаёт и вопросами прикладной демонологии?

– Нет! – Пистолет исчезает к кобуре: – Но у меня был приказ! Доставить!

– Демонхоста? Доставить? – Искренне, и почти не наиграно, удивляюсь: – Самим привести рассадник ереси и тьмы в дом свой?! Упаси нас Отче от подобного!

– Инквизитор! – Вспорхнувший в ладонь Примарха жезл нацеливается мне в грудь: – Вы обвиняете?

– Кто я такой, чтобы обвинения делать? Тем более в адрес коллег моих, благим делом занятых.

– И на том – спасибо, – бурчит Примарх, и когда жезл опускается на стол, продолжаю.

– Этим вопросом, мои братья по офису займутся. Уверен, – киваю комиссару: – Вот у них да, вопросы к вам, появятся.

Запись номер МХХР-24-ССВА-009

Да укрепит меня Имя Твоё, да придаст оно уму моему ясности, страхи постыдные изгнав прочь!

Сей час, уподобясь песчинке, затерян я меж звёзд, лишь на исправность Ксифиона – перехватчика космодесантного, уповая.

Но, Отче!

Счастлив я безмерно, что Примарх, действуя по наущению Твоему, новое испытание предо мной поставил. Ибо вижу в этом руку твою, меня для свершений тяжких, готовящую. А думать иначе, считая, что Примарх, раздражённый произошедшим, решил от меня отделаться, не могу. Ибо грех это, так о Сынах Твоих думать.

Вот я и не думаю, устремив помыслы свои на задачи поставленной решение.

Зело тяжела задача сия есть!

Тяжела, опасна и, не будь я верным слугой твоим, неисполнима.

Но уверен я – не оставишь ты слугу своего, не бросишь его на растерзание и поругание нечистыми! А укрепишь и на путь верный, победу дарующий, наставишь.

Транспорт Торговца Вольного, по несчётным мирам путешествующего, надлежит мне к свету привести, вернуть в лоно Империи, вычистив заразу, на борту его расплодившуюся!

Дарован, для задания выполнения, был мне сей перехватчик, сейчас на сближение с транспортом спешащий.

Каюсь, Отче – не опытен слуга твой в пилотировании, а времени освоиться братья мне не дали. Сунули лишь книгу, инструкций полную, в кабину посадили, автопилот заранее настроив и дружным хором, благословили, прося проявить тщательность и не спешить обратно.

Добрые братья, заботливые.

Да, прямо так, закидывая в кабину, и сказали – мол не стоит назад спешить. Надо, мол, всё тщательно, каждый уголок торговца этого, проверить.

Как можно подвести детей Твоих, просьбы которых, стволами болтеров, под рёбра тебе уткнувшихся, подтверждены?

Ни как нельзя.

И нет места злобе в сердце моём, хоть и болит спина, касание стволов, принявшая. Ибо ведаю – то испытывал меня Ты, смирение, терпение и кротость тем проверяя. Но с честью выдержал я всё! И сейчас, будучи с Тобой наедине, возношу молитвы хвалебные, благодаря Тебя за внимание пристальное к персоне моей скромной.

Вот уже и корпус тёмный, торговца того, виден стал. Невелик он, к Азерос классу относящийся. Всего полторы тысячи метров – кроха по сравнению с Баржей Ордуса Кочергануса. Та, на более чем восемь тысяч шагов Твоих, священных, протянута. А здесь...

Увиденное, сердце моё ликованием наполняет!

Испытание сие – мне по силам! Слава тебе, Отче! Слава!

Счастлив я служить тебе и ревностно отнесусь к заданию сему, вернув овцу заблудшую в объятия твои!

(КОНЕЦ СОХРАНЕННОГО УЧАСТКА 1 – борт Боевой Баржи Ордена)

(НАЧАЛО СОХРАНЕННОГО УЧАСТКА 2 – вольный торговец «Благодатное Прикосновение»)

Запись номер МХХР-24-ССВА-010

Надеяться, что створки грузового трюма раскроются, едва мой сервитор пошлёт запрос о посадке, было бы, по крайней мере неразумно. А если судить по неписанным правилам нашего офиса, так и вовсе глупо.

Даже преступно, ибо кто добровольно голову на плаху кладёт, ещё даже и не приступив к выполнению задания?

Известно же, как отщепенцы, среди чуждых рас торговлю ведущие, нашего брата любят. И, должен признать, это чувство имеет вполне обоснованные причины. Ведь как не запачкаться, с творениями общение ведя, кои к Отцу прочтения должного не проявляют? И ладно, если речь идёт о тех, чьи народы были приняты в лоно Империи. Это я про Огринов и прочих, вполне вписавшихся в доктрины Астры Милитариума.

А вот Эльдары? Те, что светлые. Так они, одним только наличием братьев своих тёмных, крест на себе поставили. На душах своих никчёмных.

Или, вот Тау взять.

Вроде как имунны они к варп эманациям, но слухи, из тех, что наши осведомители доносят, слухи эти ясно указывают, что нет-нет, да и рождаются у них дети, к варпу восприимчивые. И особенно часто, это в семьях Этериалов, сиречь наставников расы, случается. А такие факты любой нефрит ордена нашего сложит, мигом опасность для человечества уловив. Ага, а ту самую – чему, наставнички такие, народ свой научат? Те, что к шепоту варпа восприимчивы?

Вот. Уловили?

То-то и оно.

Про прочие расы и говорить не буду – одного взгляда на орков, или, огради Отец, на хаоситов проклятых бросить достаточно, чтобы всю пагубность их узреть. Про тиранид, я и вовсе смолчу – тут и без слов излишних картина ясна.

Нет, не зря торговцы, себя самостийно «вольными» называющие, бегут от брата нашего как от огня. Ибо как можно, среди всей этой нечисти путешествовать, и душу в чистоте сохранить?

Невозможно это. Никак невозможно.

Кораблик мой, пока я мыслям этим предавался, скрытно, огни отключив и активность всю снизив, замер в десятке метров от борта «Благодатного Прикосновения», ожидая от своего пассажира, меня то есть, дальнейших действий.

Что ж.

Я погладил край пульта, украшенного тонким переплетением растительного орнамента. Не буду я держать тебя.

Шлем на голову, системы брони на изоляцию, колпак кабины – откинуть.

Негромкий свист вырвавшегося на свободу воздуха, облачко мелкого мусора и я, отстегнув ремни, медленно всплываю над креслом.

Ничего сложного нет – бок корабля, тёмный, покрытый копотью атмосфер различных планет, совсем рядом и я легко перепрыгиваю разделяющую нас пустоту.

Шёлк!

Магнитные держатели припечатывают меня к корпусу, спасая от полёта в бесконечности.

Порядок, держат.

Оглянувшись, успеваю заметить, как Ксифион мой, отлетает прочь, выплёвывая из маневровой тонкой струйки газа. Разворот и он, осветив борт транспорта вспышкой двигателей, исчезает из виду, теряюсь среди множества звёзд

Ну да ладно, и мне пора.

Сверяюсь с картой борта, высвеченной мне сервитором и поспешно направляюсь в сторону ближайшего аварийного люка. Надо торопиться – как бы не были пьяны находящиеся на борту, вспышку двигателя они не могли не заметить. И сколь бы не был плотен дурман, окутывающий их мозги, не понять, что корабль этот вызвал чей-то интерес просто невозможно. А раз так, то самое место сделать ноги, сохраняя себя от подобного внимания.

– Бегите, – откидываю крышку люка ровно в тот момент, когда отсвет за кормой выдаёт пробуждение двигателей корабля.

– Бегите, и не будет спасения вам, в бегстве вашем поспешном, – начинаю напевать молитву, запечатывая ржавой вертушкой, блин люка над собой.

– Бегите, но идёт за вами свет очищения, души ваши спасти должный! И не удастся вам ласкового касания его избежать!

Прижимая к себе огнёмёт начинаю спуск по скоб-трапу аварийного лаза.

– Не удастся, даже и не думайте!

Запись номер МХХР-24-ССВА-011

Корабль, куда ты, Отче, волей своей направил меня, просто сочтется ересью! И я, твой ничтожный слуга, лишь на мудрость твою уповаю, ибо не допустишь ты гибели моей, спасёшь, дланью благословенной прикрыв, как и прежде Ты делал!

Первые же шаги, сделанные мною по верхней палубе, постами точечной обороны усеянной, наполнили душу мою тревогой. Ибо было тут склизко, душно и миазмами хаоса пропитано. Безобразные, шевелящиеся наросты на стенах, корни, пол пересекающие – с наростами злокачественными, из которых жижá зловонная сочилась – сомнений не было, Нургл, проклятый сим судёнышком владел, заполнив тело его духом своим нечистым.

Отыскав сухое, не загаженное им местечко, опустил я на колени, спеша дух свой молитвой светлой укрепить, да к Тебе обратившись, сил на работу, очищающую, обрести.

И был мне знак Тобой дарован!

Стоило лишь словам первым от губ моих отделиться, как вспыхнули светильники, сумрак разгоняя! Уловил Дух Корабельный присутствие моё, а с ним и очищение от пут еретических скорое увидел.

Воспрянул я духом, благословение на труд сей Твоё получив, поднялся и огнём свой верный, на режим усиленный переключил.

И не зря сказано, что помогаешь Ты тем, кто знаки твои узрев, не расслабляется, под защитой Твоей себя пребывающим считая, но настороже держится! Ибо не успел я и пары шагов к двери ближней сделать, как раскрылась она, орды демонят, взгляду человеческому мерзких, выпуская! А за ними увидел я силуэты крупные, рогами увенчанные, ко мне спешащие!

Вскинул я оружие своё, провёл рукой по священным текстам на теле его выгравированным, да встретил толпу пищащую, да подпрыгивающую, потоком огня, очищающего!

Но зело много их было – отступить мне пришлось, пол пред собой озёрами пламени покрывая!

Слава тебе, Отец мой!

Не смогли демоны, что мелкие, что крупные, преграду эту преодолеть – все в пепел обратились!

Вознёс я молитву благодарственную и дальше двинулся, волю Твою спеша исполнить.

Прошёл всю палубу верхнюю из конца в конец, гнёзда нечистые выжигая, а как к лифту приблизился, то сомнения меня обуяли. А нет ли ловушки там, злокозненным расставленной? Не окажусь ли я, слуга твой верный, в нём как в ящике подарочном, демонам на радость приготовленный?

И снова ты руку свою спасительную мне протянул!

Ибо стоило мне только к створам ворот лифтовых приблизиться, как скрежетнули они, проход открывая и явилось мне нутро его, заражением демоническим не тронутое! А разве возможно сие, когда всё вокруг осквернением бога тёмного пропитано?!

Всё, и лишь лифт нетронут?!

Нет, ясно стало мне, что ловушка это!

Приблизился я к проёму освещённому, чистотой и непорочностью сверкающему, да не вступая внутрь, изогнувшись, кнопку хода нажал, лифт на уровень ниже отправляя.

А сам, стоило створам сомкнуться, по лестнице вниз двинулся, ступая внимательно, ноги от плоти нечистой сберегая.

Запись номер МХХР-24-ССВА-012

Спуск по лестнице много времени не занял. Внимательно глядя себе под ноги – поскользнуться на толстых корнях и лужах покрывавших едва ли не каждую ступень, я менее чем за пять минут спустился на уровень ниже, где, прижавшись к углу стены, осторожно выглянул в холл.

Картина, открывшаяся моему взгляду, заставила меня вздрогнуть и похвалить себя за предусмотрительность – прямо перед лифтом, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, стояла тройка демонов.

Здоровенные – каждый раза в два выше меня, покрытые крупными роговыми пластинами, сжимая в руках дубины из обломков корабельного оборудования, они ждали момента открытия створок лифта, чтобы немедленно наброситься на оказавшегося внутри.

Короткий писк зуммера и индикатор над дверьми наливается зелёным, давая понять, что ещё немного и...

Не дожидаясь открытия створок чуть выдвигаюсь из-за угла.

Демоны полны решимости – дубины в их руках поднимаются вверх, створки начинают расходиться и огнём в моих руках вздрагивает, посылая шар огня прямо им на головы. Самый расторопный из демонов, учув моё движение, поворачивает голову, но только для того, чтобы увидеть летящий прямо в его безобразную морду сверкающий очищением шар.

Он взрывается, пытается попятиться, налетая на своих сородичей и я, спеша закрепить успех, делаю шаг вперёд, заливая пол под их, похожими на тумбы, ногами, потоками жидкого пламени.

Визг корчащихся в пламени существ перекрывает свист пущенного в форсажном режиме огнём. Его оба ствола изрыгают потоки огня, и я вожу им из стороны в сторону, не позволяя демонам вырваться из смертельного плена.

Пара минут и всё кончено – пламя опадает, оставляя перед раскрытым лифтом дымящиеся головешки. Осторожно и опасливо обхожу их – с демонами, пусть и сожженными до праха, расслабляться нельзя. Их природа полностью не изучена – насколько я помню лекции, создания эти вполне могут ожить, получив от своих тёмных хозяев подпитку.

Пятясь, и не сводя с них взгляда, отхожу в коридор, где, прижавшись к стене, вытаскиваю из поясного кармашка цилиндрок осколочной гранаты. Взмах руки и она, весело моргая огоньком детонатора, летит в сторону лифта.

Раскат взрыва. Визг осколков по стенам.

Вот теперь я спокоен – даже если Нургл, да будет проклято его имя, и попробует возродить слуг своих, сделать это будет затруднительно. Попробуй-ка, собери пазл из разорванных в клочья прожаренных ошмётков тел! А даже если он и озаботится подобным, то мне легче – меньше сил на управление теми, кто здесь присутствует, останется.

Иду по коридору, держа оружие наготове и подобная предусмотрительность меня вознаграждает уже спустя полтора десятков шагов. Неприметная дверь распахивается и оттуда, вопя, размахивая стволами и стреляя, на меня выкатывается разномастная людская толпа. Сразу несколько попаданий расцвечивают мою броню яркими пятнами. Падаю на спину, одновременно вскидывая огнём – наставник по огневому бою мог бы мной гордиться, насколько сноровисто проделываю я этот приём. Воздух, где только что было моё тело прямо-таки вскипает от множества трасс, пронизывающих его.

Лежа на спине окатываю толпу потоками огня – их крики, такие торжествующие всего секунду назад, сменяются воплями боли. Ещё пара залпов и всё заканчивается – на полу, там, где только что бесновалась толпа, застыло сплавленное воедино месиво, из которого, словно в мольбе о милости, воздевают к потолку скрюченные пальцы, почерневшие прутья рук.

Хоть и заслужили они подобный конец, я не могу оставить заблудшие души без напутственной молитвы. Утвердившись на коленях запеваю литанию «Доброго Пути», искренне, всем существом своим, желая грешникам получить прощение Его, оказавшись подле Златого Трона.

Писк сервитора достигает моего слуха когда последние слова священного гимна, эхом прокатившегося по пустому коридору, стихают, наполняя душу мою лёгкой печалью. Да, именно печалью, ибо их путь окончен, а мой... Мой, увы, ещё далёк от завершения и неведомо мне – найдётся ли кто рядом, чтобы сердечной молитвой направить душу мою, израненную в борьбе, к свету Его.

Писк повторяется и, повернувшись, обнаруживаю проекцию карты этой палубы. На ней, отвратительными сизыми пятнами проступают наросты гнездилищ нечистого. Из них, через эти полные скверны, порталы, сочится в нашу реальность мерзость хаоса.

Сжечь! Огнём запечатать проходы, по которым легионы демонов ворвутся в наш мир, рассыпая заразу вокруг себя!

Сжечь! И чем быстрее прерву я пуповины эти, тем быстрее воля Твоя исполнена будет. А раз так, то не след мне колебаться – именем Твоим, да будет корабль сей очищен!

Запись номер МХХР-24-ССВА-013

За Императора!

За Империю и Человечество!

Сколько раз, именно эти, пропитанные кровью слова, поднимали в атаку твоё, израненное в сражениях воинство! Сколько раз, воины, шептали их, ощущая приближение смерти!

И сейчас я, слуга Твой, повторял сии бессмертные строки, прожигая себе путь сквозь неисчислимые легионы демонов и еретиков, вставших у меня на пути. Коридор за коридором, отсек за отсеком, оставляя после себя спечённую корку, двигался я в сторону гнездилищ нечистого.

Нелёгким вышел мне тот путь. Многотрудным, полным засад и ловушек.

Набрасывались на меня орды демонические, огнём встречали заслоны людские, проказой тёмной поражённые, коридоры, безопасными казавшиеся, вдруг газом, отравленным заполнялись, спеша удушить небрежного странника.

Но всё преодолел я, именем Твоим оберегаемый!

Сжёг гнездилища, отсекая корабль этот от тьмы! И тогда, нечистый, злобой от потери оглушённый, Лорда Демонического на меня направил!

Встретил он меня посреди коридора, своими клевретами окружённый. Но не стал ждать я, когда он пошлёт их в атаку. Швырнул гранату, имя твоё поминая и в стенку вжался, рой осколков благословенных мимо пропускаю. Выглянул – стоит демон, раны на теле своём светом бесовским залечивая. И приспешники его, силу от старшего черпая, на глазах оживают, с пола встать пытаются.

Но не дал я времени ему, воинство свою исцелить! Метнул шар, огня очищающего и сам в атаку бросился. Но противник мой видно из опытных оказался. Не стал тратить силы демон на раненых своих, жертвуя ими, словно пешками. Предпочёл нечистый порталы в логово своё открыть, дабы силы свежие, да не израненные призвать – но не дал я нечистому замысел свой исполнить!

Приблизился к нему почти вплотную и с обоих стволов окатил демона пламенем священным. Закричал он тогда, слух мой визгом своим терзая. Прекратил порталы создавать, всю силу на спасение от огня благодатного бросая и не справился бы он, кабы оружие моё не умолкло, в крайнюю степень перегрева войдя!

Теперь мне уже пятиться пришлось, в имени Твоём защиту ища. Демон же, заминкой сей ободованный, вскинул меч, письменами тёмными покрытый, да за мной погнался.

В два прыжка нагнал он слугу Твоего, и вскричав победно меч занёс, удар смертельный готовя. Повернулся я, желая лицом опасность встретить, и принял удар его, сил тёмных полный. Вскрикнула тут броня моя, загорелись на ней письмена священные, имя Твоё прославляющие и не смог клинок огненный силу из превозмочь. Отскочил прочь, рубец лишь глубокий на наплечнике оставив, да меня на колено одно поставив. Вновь вскинул демон оружие, второй удар готовя, но встретил я его потоком огня очищающего. Забился он, взвыл из сил всех своих нечистых. Задрожал меч в руке его и слабым вышел второй удар. Но хоть и слабым он был, чуть наземь меня сила его не отправила. Пошатнулся я, имя твое выкрикнул, в замешательство его вводя и вновь огнём окатил.

Не выдержала суть, его проклятая такого удара. Попятился он, пламя священное с тела сбивая, но не дал слуга Твой роздыху ему.

Встал, и напора огня не снижая, залил тело его пламенем гнева Твоего.

О как закричал он, нечестивого Нургла о помощи прося! Как молил он его сил при-
дать, но не смог лже бог тёмный, но помощь прийти не смогла – гнездилища, суть пупо-
вины искажённый мир с нашим соединяющий, прервал я, именем Твоим из запечатав. Поняв,

что обречён он, бросился демон на меня, желая вместе, в объятиях тесных, путь наш завершить. Да только настороже был я. Проворно отступив, и потоков огня не прекращая, обратил в прах я планы тёмные.

И сдался он!

Визжа и корчась пал демон на палубу, оружие своё отбросив. Стал молить слугу твоего о милости, но глух я был к словам его. И тогда он, видя конец свой неизбежный, последние силы на пророчество тёмное обратил – ибо могут подобные ему, в час свой смертный, за грань грядущего заглянуть. Замер демон, пламенем объятый и руку свою горящую на меня направил.

– Ведомо мне, – произнёс он прежде чем прахом рассыпаться: – Станешь ты одним из нас, на сторону тёмную перейдя: – И вижу я тебя средь воинства нашего, лоялистов с земли сметающего!

Более он ничего поведать мне не успел – лопнул защита демоническая и рассыпался он прахом невесомым по палубе, душу мою сомнением наполнив. Ибо ведомо всем – посмертные пророчества, пусть и нечистым рождённые, всегда сбываются.

Сохрани же дитя твоё, Отче! Молю – спаси и сохрани!

Запись номер МХХР-24-ССВА-014

Слова того демона долго не шли у меня из головы. И как я не гнал их прочь, продолжая зачистку палуб «Благодатного Прикосновения», нет-нет, но они, вместе с картиной тянувшейся ко мне из пламени руки, да в всплывали в памяти. Нет ничего хуже, когда тьма обращается к тебе, но стократ хуже, когда её дитя, тратя последние силы, заглядывает в грядущее, вместо того, чтобы употребить их на своё спасение. Да, он вполне мог спастись – сбросить объятую пламенем оболочку и, став частичкой тёмной материи, неподвластной законам нашего мира, скрыться в щели реальности, спасая себя – свою суть, от уничтожения.

Мог – но не сделал. Предпочёл пророчество огласить, распавшись прахом.

По-хорошему, мне, верному заветам нашего офиса, следовало немедленно прекратить свою миссию, и, доложив о произошедшем брату-настоятелю, дожидаться эвакуационной миссии, избегая каких-либо действий. Дальнейшее – об этом я был наслышан, должно было произойти в строгом соответствии со сводом законов о чистоте. Расследование, и, если оно не покажет присутствия Хаоса в моей душе, пожизненное содержание в монастыре на отдалённой планете. Ну, или очищение огнём – если обнаружится следы нечистого.

Не могу сказать, что оба этих варианта привлекали меня.

Либо, и это был третий путь, мне надлежало смолчать о произошедшем и вступить в ряды Хорусианцев – небольшой фракции нашего офиса, проповедующей использование сил Хаоса для создания Божественного Аватара, могущего вместить в себя дух Императора. Ересью от них несло так, что как по мне, то всех представителей этого течения следовало немедленно предать очищению. Но по причинам далёким от моего понимания, ниши лорды отнюдь не спешили провести подобную чистку. Виною тому, как я мог догадываться, было то, что Хорусианцы, чьи ряды состояли в основном из почётных ветеранов нашего дела, были единственными, кто пытался изучать Хаос, без страха грудью встречая все связанные с этим делом опасности. Вот только примут ли? После долгих гонений, Хорусианцы весьма настороженно относились к новичкам, стараясь уберечь свои ряды от возможных провокаторов.

Очередная дверь начинает приоткрываться, сквозь щель до меня доносятся полные ненависти вопли и я, не прерывая бег своих мыслей, швыряю туда шоковую гранату, отворачиваясь и зажмуривая глаза. Белая вспышка бьёт сквозь сжатые веки, вопли из воинственных становятся паническими и я, резко крутанувшись на месте, загоняю в проход струю огня.

Да, среди Хорусианцев, мне удастся затеряться. Они все там на грани ходят и я, если не буду распространяться о произошедшем здесь, вполне смогу протянуть несколько лет.

Вскинув огнёмёт встречаю тугой струёй очередную группу еретиков, выскочивших из-за угла. Встретив поток огня, они обращаются в бегство, сбивая и затаптывая менее проворных. Но нет, некуда вам бежать – посланный им вдогон шар огня настигает самых проворных, а тела сбитых с ног накрывает огненный ковёр.

– Ныне прощаю вам прегрешения ваши, – повожу стволами, очищая души их от скверны поражённой хаосом оболочки.

Зачистив очередную палубу делаю паузу. Передо мной стоит выбор – двигаться вниз, в трюмные отсеки, либо вверх – на мостик. Немного поколебавшись выбираю мостик – сейчас важнее взять управление торговцем под свой контроль, а что до трюма – там и Боевые Братья справятся. Нет особой сложности отсечённых от источников силы демонов перебить. С таким у нас в ордене зелёные неوفиты справляются.

Тяжёлые створки рубки начинают медленно расходиться в стороны, стоит мне замереть напротив. Те, кто внутри решили не сопротивляться.

Это хорошо.

Осознание своих грехов, суть первый, самый тяжёлый шаг по долгой дороге очищения. А капитану пройти её придётся до конца. Шутка ли – столько странствовать, допустив появление гнёзд ереси на борту! Но, при чистосердечном раскаянии, он вполне может сохранить себе жизнь. Вполне – если поможет следствию, указав миры, где побывал. Туда, после того, как факт заражения будет подтверждён, отправятся мои братья, спеша пресечь развитие заразы, прежде чем та, вырвавшись на свободу, примется заражать планету, корёжа тела и искажая души добрых граждан Империиума.

Да и затворничество, попытайся он отгородиться от меня, ни к чему хорошему не привело бы. Переведя оружие в режим резака, я могу легко, пусть и долго, вскрыть подобные двери. Нет смысла прятаться за ними, когда на борту представитель нашей конторы.

Но все эти мысли моментом покидают мою голову, когда створки раскрываются, и я вижу перед собой существо, бывшее капитаном вольного торговца.

Именно – существо, и именно – бывшее.

Долгое, слишком долгое пребывание на борту, наполненному чистейшими эманациями хаоса наложило на его тело ужасающие отпечатки.

В паре метров передо мной стоит, чуть покачиваясь на чешуйчатых, тумбообразных ногах, тело, видом схожее с бочёнком. Вся его верхняя часть окружена венцом розовых, влажно блестящих и неприятно шевелящихся, щупалец. Выше них, вознесённая на такой же – розовой и влажной шее, видна голова. Вполне нормальная, человеческая, лысая, с шикарными моржовыми усами.

Почему-то именно они – чистые, заплетённые в косы, и с легкомысленными красными, в белый горошек, бантиками на концах, именно они выводят меня из ступора.

Рот существа приоткрывается, он хочет что-то сказать, но прямо в него, в розовую глубину, где трепещет раздвоенный язык, влетает струя огня. Какой-то миг мне кажется, что монстр просто пьёт поток пламени, отправляя прямиком в бочку потоки исторгаемого моим оружием пламени. Но наваждение длится всего секунды, чтобы, стоит им истечь, существо, лопнуло, разбросав вокруг дымящиеся ошмётки.

Не спеша, торопливость в нашем деле преступна, короткими плевками накрываю каждый из них лужицей огня.

– Сервитор! – Закончив с ними, подзываю с себе черепок: – Связь с астропатом Ордуса Кочерганус. Передай ему – торговец под контролем офиса Инквизиториума. Требуется помощь Братьев для зачистки трюма. Передавай!

Взмахом руки подтвердив приказ, усаживаюсь в кресло капитана, положив огнемёт на колени.

– Отче! – Начинаю благодарственную молитву: – Славно имя Твоё, нечестивых подобно огню пугающее! Славна сила твоя, мои члены наполняющая!

Короткий писк сервитора и в окошке, закрывшем собой провалы глазниц, высвечивается короткое сообщение:

– Здесь Примарх! Благодарю за работу, жрец. Братья в пути. Оказав им помощь перейди на транспорт – он доставит тебя на Гаррас Семь. Там наши основные силы. Поможешь им! Слава Империиуму!

– Слава Ему, Империиум создавшему и защищающему!

Откидываюсь в кресле прикрыв глаза – краткий отдых мне сейчас явно не помешает.

Запись номер МХХР-24-ССВА-015

Благословенна сила Твоя, детей плоти Твоей наполняющая!

О сколь отраден вид, Братьев Боевых, в броню облачённых! Сердце моё радостью переполняется, видя, как смело в бой они идут, потоку горному да неостановимому подобные!

Зачистка трюмов торговца, осквернённого нечистым, заняла у них совсем немного времени. Ворвавшись внутрь, братья, распевая во весь голос священный гимн, скверну уничижающий, тараном, сверкающим врезались в плотные ряды демонов, напротив входа их поджидавших.

Не ждали слуги тёмные оборота подобного. Мнили они, что за воротами всего один слуга твой стоять будет, огнёмётom вооруженный, а встретил их огонь болтеров тяжёлых, сложенный, пулями разрывными чешуйчатые тела разрывающий.

Но не дрогнуло племя проклятое! Рвануло вперёд, спеша когтями, да рогами кривыми детей Твоих поразить! Десятки пали, но сотни новые, тела своих собратьев растапывая, бег свой продолжили.

И столкнулись две волны, каждая своего бога славящая!

Светлая, да святая, против зелёной, да нечистой!

Страшен удар сил проклятых был – попятились Братья, натиску противясь!

Попятились, но голоса возвысив и имя Твоё выкликая, устояли. Отшатнулась толпа чешуйчатая. Дрожь по телам уродливым прошла, когда имя Твоё, грому подобное, пало на них!

Замерли они, страхом пред ним объятые и Братья, ни мига не медля, строй свой изменили. Вышли вперёд братья, щиты штурмовые поднявшие, шагнули вперёд сложенно, так что палуба под ногами моими вздрогнула и, имя Твоё повторив, мечами силовыми взмахнули, просеку широкую прорубая.

Откатилась было назад стадо демоническое, но запоздалым тот манёвр оказался! Ни на шаг единый не отступая, двинулись следом дети твои, архангелам свиты твоей уподобившись. Дружно шагали они, строй несокрушимый блюдя и мерно мечи их, письмена святыми покрытые, на нечисть чешуйчатую падали.

Не сдержало воинство тёмное напора такого. Дрогнуло, и в бегство обратилось, скрыться спеша, дабы жизни свои проклятые хоть на миг, да продлить!

И немедля, плоды паники собрать спеша, распался строй священный. Братья, кто с другом ратным в паре, кто в одиночестве гордом, охоту свободную открыли, сжать спеша урожай славы и доблести. Видел я, как демоны, поняв, что бегство их трусливое, спасения не принесёт, останавливались, на сынов твоих бросаясь. Но что может сила нечистая против воинства светлого сделать?

Десятками бросались твари чешуйчатые на детей Твоих, но откатывались посрамлённые, под удары молодецкие, тела их поганые рассекающие, попадая. Взлетали вверх конечности когтистые, пулями разрывными оторванные, вспыхивали тела, огонь плазмы святой вкусившие и не было спасения детям тьмы, в каком бы углу они его не искали.

Всех именем твоим покарала чада Твои.

Ни один поганый не ушёл – все перебиты были и старые, и молодые!

И только когда дыхание нечистое перестало воздух осквернять, только тогда брат-капитан Варфоломий, команду подал, бой прекращая.

Обратились тогда взоры детей Твоих на меня, лицо духовное, благодатью Твоей облачённое. Поднялся я на гору тел нечистых и там, на колени встав, молебен начал, спеша тебя за победу, дарованную, возблагодарить.

А когда служба эта, светлая, завершилась, то отозвал он меня в сторону, с деталями поручения от Примарха полученного, спеша меня ознакомить.

Запись номер МХХР-24-ССВА-016

– Пройдёмся, отче, – взяв меня за локоть, капитан двинулся в сторону дальней стены ангара и Братья, стоявшие у нас на пути, поспешно отошли в стороны, давая нам проход. Странно, но сейчас, в отличии от предыдущих дней, в их глазах я не смог разобрать и тени насмешки. Хотя, соглашусь, вид наш был комичен – как ни старался капитан соблюсти приличия, но в силу своего сложения выглядел я, будто меня на допрос тащили – с задранной почти горизонтально рукой. Что поделать – космодесантники, происходившие от плоти Императора, были едва не в два раза выше обычного человека, не говоря уже о размахе плеч и силе, переполнявшей их совершенные тела.

– Удивлён? – Выбравшись из стоявших полукругом братьев, Варфоломий выпустил моя локоть, и я пару раз встряхнул рукой восстанавливая ток крови.

– Да, – киваю ему, пристраиваясь рядом. Хоть капитан и шёл весьма неспешно, мне пришлось если и не бежать, то весьма сноровисто перебирать ногами.

– На корабле мы видели в тебе жреца, – увидев мои потуги, брат приостановился и двинулся далее куда как медленнее: – Да, парень ты неплохой. Взвод тот мятежный зачистил, комиссару спуска не дал, эльдарам тёмным кровопускание устроил. Но всё то мелочи были. А вот сейчас...

– Сейчас?

– Да, – его палец ткнулся в мой прорубленный наплеч: – А сейчас ты в настоящем деле побывал. И не растерялся, не забился в щель, зовя и требуя помощи – нет, – его лицо осветила улыбка: – Ты честно выполнил своё задание и нас позвал только тогда, когда это корыто под контроль взял.

– Ну... – Не зная, что и ответить, развожу руками, чувствуя, как гордость – в самой греховной, самолюбивой своей ипостаси, начинает обволакивать моё сознание: – Приказ же был. Примарха. Как я ослушаться мог?!

– Как? Да легко! – Хмыкает капитан и мы возобновляем движение: – Ты же мог его послать? Сослаться, что это не по твоей епархии – чтобы он сделать смог?

– Так-то да, брат. Верно ты говоришь, но не мог я так. Ибо вы – плоть от плоти Его. Как можно детям Его отказать?

– Однако ж, – вздохнул он в ответ: – Такие находятся. И не только в среде комиссаров, или жрецов – порой и от братьев наших, из других Орденов, помощи не допросишься.

– Разве может брат, кровному родственнику на помощь не прийти?! – Признаюсь, услышав такое я посчитал, что либо ослышался, либо что капитан ловушку мне расставил

– Может! И ещё как может! – Не скрывая своего раздражения, Варфоломий пнул кучу мусора на своём пути и та, взмыв вверх, открыла спрятанное под собой гнездо, в котором, тесно прижавшись к друг другу, таращили на нас крупные тёмные глазёнки крохотные демонята.

– Постов! – Взмахнул рукой капитан, подзывая к себе одного из бойцов: – Зачистили, говоришь? – Вперил он в него немедленно налившиеся кровью глаза: – Ты мне лично докладывал об отсутствии жизненных форм!

Не слушая их перепалки, я присел на корточки подле гнезда и детёныши, уловив движение, потянули розовые носы в мою сторону. По всему было видно, что новорождённые слепы раскачиваясь из стороны в сторону, пища и разевавая беззубые рты, они крутили головами отыскивая свою мать, которая, успев их спрятать, была либо разрублена силовым мечом, либо разорвана в клочья разрывными пулями.

Скинув броневую перчатку касаюсь детёнышей и они, приняв мою руку за материнскую, тянутся к ней, подставляя треугольные мордашки нехитрой ласке. Глажу их, ощущая сухость

шкурки. А вот это – нехорошо, приходит откуда-то неявное понимание. Надо чем-то влажным накрыть – пересохнет, начнёт шелушиться, а там и до трещин недолго.

– Тряпка нужна, влажная, – поднимаю голову и вижу побелевшее лицо Варфоломия: – Иначе шкура пересохнет, а там и...

– Не пересохнет! – Сильные руки подхватывают меня сзади и, подняв в воздух, ставят наземь рядом с капитаном.

– Не успеют! – Шагнувший вперёд Постов с силой впечатывает бронированный сапог в гнездо, превращая содержимое в тошнотворного вида кашу: – Вот и всё жрец! А ты тряпки, вода!

– Я поражён, – прежде дружеский тон капитана сейчас могильно холоден: – Будучи в здравом уме касаться отродий хаоса? Ты либо безумен, либо, – он резко обрывает себя не желая закончить фразу обвинением в нечистости.

– Чтобы победить врага, брат, – произношу, видя, как на последнем слове его передёргивает: – Его надобно познать.

– Да что тут знать?! – Подаёт мне перчатку Постов: – Увидел демона – убей. Вот и знание всё!

– Свободен! – Команда капитана отбрасывает его в сторону.

– А что до тебя, – дождавшись, когда рядовой отойдёт в сторону, ледяным тоном продолжает Варфоломий: – То тебе, жрец, надлежит немедленно покинуть «Благодатное Прикосновение» и прибыть на Гаррас Семь. Там наши братья сдерживают натиск Тёмных Эльдар. Нечистых много и лишние руки, – бросив взгляд на мою ладонь без перчатки он снова вздрагивает: – Даже такие – пригодятся.

Запись номер МХХР-24-ССВА-017

Отче!

За что лик ты свой светлый от меня отвратил?!

Сердце моё, по-прежнему любви к Тебе полно!

С духом твёрдым по пути заветов Твоих ступаю!

Не верю я, отче, что Ты, Любовью мою жизнь наполнивший, за касание то, мимолётное, осудить можешь! Не верю и поверить в сие не могу! Кто как не ты милость к врагу поверженному, да руки поднявшему, призывал? Кто учил прощать врагов своих, на путь очищения, вставших?

И я, слуга Твой верный, всегда учению Твоему следовал.

Открой мне, Отец мой, небесный, разве согрешил я, к созданиям тем прикасаясь?

Безгрешны же они были. Не коснулась их тьма проклятая, а увидели бы они свет, Тобой благословлённый, слышали бы, прежде прочего, слова Твои, к любви и кротости призывающие, кто знает, кем бы создания эти выросли. Ведь есть в нашем воинстве и такие создания, Тобой принятые, что человеку простому, при виде их, дурно становится.

Неведомы мне пути Твои, закрыты замыслы великие, разум твой полнящие, но не верю я, что Ты мог детей неразумных на смерть обречь. Ибо вся вина их лишь в происхождении тёмном. Но разве мы, дети Твои, не в грехе рождаемся? В страшном, кровавом и первородном, в том, проклятие которого Ты с наших плеч, подвигом своим прославляемом снял?

И выходит, Отче, что и мы, дети твои, и они – дети тёмные приходим в мир этот греха полными.

Отче!

Не лишай света Своего, душу мою, в вопросах заплутавшую!

Дай знак мне! Помоги понять суть происходящего!

Не покинь меня!

На путь верный наставь!

Запись номер МХХР-24-ССВА-018

Транспорт, на который меня определил Примарх, должен был достичь Гарраса Семь через пару дней и я, оказавшись запертым в крохотной каютке, имел достаточно времени для обдумывания сложившейся ситуации.

Нет, не надо думать, что я был пленником на борту этого корабля. Скорее – почётным гостем. Так сказал Примарх, а не верить его словам я не мог. Не будет же сын Его врать слуге Его?!

Ну а то, что дверь заперта – так это ради того, чтобы экипаж, в число которого наверняка входили жаждавшие исповеди грешники, не беспокоил меня, погружённого в благочестивые раздумья. Ради этой же цели ко мне были приставлены два брата – только и исключительно спокойствия моего сбережения. Нельзя же допустить, чтобы настрой мой, от медитаций священных порушен был? Этой же цели служило и предельно аскетическое наполнение каюты – вернее сказать, его полное отсутствие. Наполнения, то бишь. Металлические стены, пол, тощий матрас и решётка мерно гудевшей вентиляции составляли всю обстановку. Скромно? Так ведь учил же он нас скромности? Не след мне, слуге Его о большем радеть! Правда, нет-нет, да проскакивала греховная мысль, шептавшая мне на ухо сладкие слова о мягкой постели, еды сытной, а не брикетно-сухпайной и... О многом тьма, искушавшая меня, шептать пыталась. Вот только не слушал я её. Мои мысли текли совсем в другом направлении.

Беспокоило меня то, что Отче, лик свой от меня убрал. Сколько бы я не молился, как не старался бы впасть в транс медитациями – не сходило на меня светлое чувство единения с Ним.

Слова, прежде наполнявшие душу мою радостью и уверенностью в правом пути, сейчас мёртвыми звуками отрывались от моих губ, колебля только воздух каюты, но никак не душу.

Мёртвыми – точно такими же, как те мелкие демонята, растёртые в кашу грубым сапогом космодесанта. Стоило мне только начать молитву, или, закрыв глаза начать вход в благодатный транс медитации, обещавший, и прежде даровавший минуты единения с Ним, как передо мной, словно наяву, всплывали треугольные головки с чёрными, блестящими невинным озорством, глазёнками. Исчадия тьмы, весело пища и разевая беззубые рты, тянулись розовыми носами к моей ладони и, найдя её, ласково тёрлись, выпрашивая ласку и угощение.

Они искали любви... Но находили лишь смерть, падавшую на их детские тела рубчатой подошвой сапога.

На исходе второго дня, я, осознав безуспешность своих попыток единения с Ним, вытребовал себе прогулку. Не могу сказать, что эта идея пришлась моим конвоирам, ну, или почетной страже, по вкусу.

– Не велено и всё тут! – Стояли они на своём, общаясь со мной через небольшое, забранное решёткой окошко: – Приказано, жрец, чтобы ты здесь пребывал! До самого прибытия на планету.

М-да...

Прав был мудрец далёкого прошлого, утверждавший, что и у военных есть мозги, и что они, люди войны, ими иногда пользуются. Нам, простым смертным, надо лишь понять, как именно пользование это происходит. Мне, не буду скрывать свою греховную гордыню, это удалось.

– Ведь там мне в бой идти? Так, братья? – Спрашиваю их, держась руками за решётку: – Братьям вашим по ордену помогать спешу.

– Верно. И что?

– Тесно здесь. Размяться негде, – киваю себе за спину: – А какой из меня помощник, когда я, почитай двое суток неподвижно сидел? Мне, братья, хотя бы пройтись – руки ноги размять. Перед боем.

– Ну... – Тянет один.

– Не велено! – Рубит второй.

– Или вы хотите, чтобы я, выпав из транспорта наземь, обузой вашим братьям стал? А я упаду, – оторвав руку от решётки просовываю наружу пальцы: – Вот, видите, как дрожат?

– Ну... Если только пройтись, – неуверенно начинает первый, а второй, удостоив товарища тяжёлым вздохом, начинает отшелкивать замки.

– Только учти, жрец, – появившейся в его руках болтер недвусмысленно направляет на меня свой шербатый от частого применения, ствол: – Если что, то я колебаться не буду!

Запись номер МХХР-24-ССВА-019

Благодарю сынов Твоих, мощными фигурами своими дух мой силой Твоей наполняющих! И пусть лик Твой от меня, грешного, отвёрнут, но обретаю я крепость душевную на них глядя! Ступают твёрдо, оружие наготове держа – так и мне следует жить, да во славу Твою действовать, испытания Тобой данные, да искушения сил тёмных преодолевая!

Понял я, как в коридор корабельный вышли мы, и дети твоя с боков моих встали – то знак ты мне даёшь. Показываешь, что оберегаешь меня ты по-прежнему, а оружием священным, в руках их сжимаемым, на кару, грешника ждущую, намекаешь.

Спасибо, Отче!

Искуплю я вину свою нечаянную. Кровью тёмной чужеродной, да демонической смою, в сердце любовь лишь к тебе сохраняя. Об одном смею молить тебя – огради меня от убийств невинных. На дай руке моей кровью чистой, да непорочной запачкаться!

Дети Твои, промыслом Твоим ведомые, вывели меня на площадку обзорную, где мог нерадивый слуга твой, взор свой миром перед нами лежащим, насытить. Был то Гаррас Седьмой, жертвой сил темных ставший. Наполнилось сердце моё скорбью по детям человеческим, под ударами нечестивцев гибнущих, но то краткий миг скорби был. Ибо узрел я флоты могучие, орбиты нам планетой занявшие. Были тут, неуязвимой бронёй одетые, линкоры. Стремительные, мысли Твоей подобные, крейсера, да авианосцы, тучами mosquito флота окружённые. Возрадовался я, видя мощи твоей воплощение. Пал на колени и молитву радостную вознёс, славя воинство святое, тьму попать спешащую. Ибо нет силы вселенской, противостоять флоту Твоему возможность имеющую! И то не нам одним ведомо – нет ни где поблизости рейдеров чужеродных!

Убоялись, эльдары тёмные, греха полные, здесь показаться!

Отступили, труса празднуя, на путях своих астральных затаившись!

Бросили, в манере своей предательской, сородичей своих, на поверхности мира нашего оказавшихся! Так тем хуже для них! И да будет рука моя тверда, да дух безжалостен, оружием Твоим стану я, кару смертельную им неся!

Не славы воинской ради, а лишь любви Твоей прося!

Закончил я молитву, и духа укрепление ощутив, к братьям боевым повернулся, прося их сказать мне – скоро ли я не землю Тобой благословлённую ступить могу, дабы словом добрый, да оружием верным, нечестивых карать, воле Твоей противящихся. Отвечал мне сын Твой, что скоро уже челнок планетарный подойдёт, всех нас вниз донести спешащий. И что следует нам к палубе ангарной, номером один отмеченной поспешать.

– Так ведите же! Воины, доблести полные! – Вскричал я, новый Знак Твой в этом увидев. Ибо Един Ты. Один страж Имперіума, пример всему человечеству подающий. И палуба та – тем же знаком отмечена – что это, как не знамение мне, о немилости Твоей скором окончании говорящее?!

Прочь! Прочь сомнения, веру ослабляющие!

Кровью смою то касание нечестивое, пятно на меня возложившее!

Шагайте же быстрее, братья Ордена славного!

Поспешайте, ибо тягостна жизнь мне без лика Его на меня смотрящего!

(КОНЕЦ СОХРАНЕННОГО УЧАСТКА 2 – вольный торговец «Благодатное Прикосновение»)

(НАЧАЛО СОХРАНЕННОГО УЧАСТКА 3 – планета Гаррас Семь)

Запись номер МХХР-24-ССВА-020

Пробивший атмосферный щит челнок опустился посреди зелёного луга, на одном краю которого темнел лес, а с другой виднелись строения небольшого городка, скорее даже деревушки, чьи домики, покрытые весело блестящей разноцветной черепицей, редко возвышались более чем на пару этажей.

Выбравшись наружу я с наслаждением вдохнул, напоенный ароматами свежести и цветов, воздух. Да, это не восстановленная и обогащённая кислородом смесь – контраст был столь разителен, что мне казалось, что мои лёгкие, волшебным образом превратившиеся в подобие желудка, принялись трепетать, спеша как можно быстрее утолить терзавший их голод.

Налетевший было ветерок, приятно освеживший лицо, вдруг донёс до меня горечь пожаров и вонь горелой плоти – проклятые запахи войны. Ненавидимые, но неотступные от её злой сути. Ещё один порыв – и вновь меня окутывают чистейшие ароматы мира, бывшего благодатным и щедрым домом для проживавших здесь.

– И на такую красоту темные покуситься посмели?! – Поклонившись подошедшим воинам, первым среди которых шёл гроссмейстер ордена Кочерганус, покачал я головой: – Не знаю я мук достойных, нечестивым карой достойной быть могущих!

– Ты, жрец, и не знаешь? – На лице гроссмейстера появилась кривая усмешка: – Мне казалось, что подобные тебе, весьма, – пошевелил он пальцами, вычерчивая в воздухе некую фигуру: – Весьма изобретательны в части наказаний. Пройдёмся, – взмах руки и мы, шагая рядом, мне опять пришлось напрячь свои силы, чтобы поспеть за ним, двинулись в сторону леса.

– Так как же подобное произойти могло? – повторил я свой вопрос, когда мы отошли от его свиты: – Темные Эльдары, насколько я их гнусную породу знаю, никогда оккупацией не занимались. Рейд, налёт, захват пленных для пыток и арены – да. Но оккупировать планету? Неужто они своим привычкам изменить решили?!

– Да нет тут никаких эльдар, – остановился гроссмейстер: – Ни тёмных, ни светлых – никаких нет.

– Как это нет? – Земля покачнулась у меня под ногами: – Но Примарх...

– Примарх, – его голова склоняется в почтении, и я спешу повторить его жест: – Он знает то, что доносят официальные линии.

– А по факту? – Задрав голову устремляю на него требовательный взгляд: – Скажите мне – что?

– А по факту, – отворачивается он от меня: – По факту, жрец... По факту тебе здесь много работы предстоит. Мятеж.

Это короткое слово бьёт словно хлыст отца-истязателя, которым он регулярно подгонял нас, избавляя от греха нерадивости.

– Да, мятеж, – продолжает гроссмейстер: – Местные против Лорда Управителя восстали. Так что...

– Но как это возможно?! Ведь лорд Управитель – суть проводник решений Его?

– Бываю такие проводники, – доносится до меня его ответ: – Что похуже иного сопротивления будут. Налогами зажал – вот местные и не сдержались. Перебили чиновников Администратума, потребовали расследования – Лорд мол законы Империи нарушает.

– А гвардия?

– Перешла на их сторону. Не вся, конечно. Но те, кто не перешли, – он махнул рукой: – Уже, наверное, у Трона Его обретаются.

– Лорда тоже убили?

– Ага. Как же! Сбежал на орбиту при первых же признаках мятежа! В общем, – развернувшись, Гроссмейстер побрёл в сторону ожидавшей его свиты: – Дел тебе здесь много. Кроме ереси, хаос, учуяв слабину полез. Демонов пока не видели, но кто знает. – Он замолчал и остаток пути мы прошли молча – лишь подойдя к своим братьям он продолжил, перейдя на официальный тон:

– Тебя, жрец, до особого распоряжения, направляю в помощь третьей роте. Они держат оборону деревни, – его рука указала на яркие крыши домов: – Присоединись к ним, укрепи словом и окажи боевую помощь. Оружие на месте получишь. Слава Империи! – Закованный в броню кулак лязгнул о нагрудную бронепластину.

– Слава Ему и Детям Его!

Порыв ветерка принёс с собой запахи войны и я, поклонившись, двинулся в сторону домиков – туда, откуда слышались звуки стрельбы и разрывов, разрушавшие идиллию мирного летнего дня.

Запись номер МХХР-24-ССВА-021

Вразуми!

Только на мудрость Твою, нам, простым смертным, недоступную, могу рассчитывать я. Ведь ты же – волей своей, определил Лордов планетарных, служению человечества ради быть. В этом долг их и радость от намерений Твоих исполнения. Как то быть может, что Лорд, агнцев своих, вдруг истязать стал? И что он, убоявшись гнева толпы безоружной, на орбиту, да над планетарную, сбежал, стадо без поводья и наставника оставив?

Неужто чела его эманации тёмные коснулись, мысли, противные роду человеческому, внушая?

Так ведь нет же!

Чист он оказался и проверки все пройдя, благословение Сегментарного Управителя получил. На флота нашего, доблестного, призыв. А виновными, Отче, внизу, на планете оставшиеся, признаны были.

И не только признаны – приговорены к полному уничтожению, земли благословенной очищения ради.

Стены мне один из сынов Твоих поведал, к коему под начало я встал, волю гроссмейстера исполняя.

Так же рассказал он мне о планах, что Лорд разработал. Слушал я его и сердце моё, отчаянием наполнялось – виданное ли дело, что бы планету от жителей местных очищали, а им на замену других гнали? С миров ледяных и пустынных? Рассчитывал Лорд, что поселенцы новые, красотами Гарраса очарованные, безропотно налоги повышенные примут, в казну Лорда личную утекающие.

И да, Отче!

Ведомо мне сие – по каналам своим проверил я отчисления налоговые, благо доступ на то, вместе с правом офиссума нашего имею.

Не увеличился ручей золотой, на благо Империи, текущий. Ни на самую малую каплю воды его не пополнились. И ведомо мне, что Сегментарий, от того ручейка питался, жадно ту воду златую, черпая и заглатывая, жажду свою ненасытную гася.

Но как такое быть может, Всевидящий?

Почему не покарал ты отступников, казни чудовищные, существу человеческому противные, замысливших?

Или взор твой затуманился? Или разум, забот о детях твоих полный, не заметил подобного?

Даже мне, инквизитору, кровь, во славу Твою, проливающему, и то подобное хуже тёмной мерзости показалось.

Ответь мне, Отче!

Дай ответ слуге своему!

Как? Как подобное, от рук слуг твоих самых доверенных, произойти могло?

Знаком укажи, ибо вера моя, вера беззаветная, опорой мне служащая, пошатнулась.

Дай ответ!

Не молчи!

Запись номер МХХР-24-ССВА-022

– И разгребать эту кучу нас бросили, – брат Шоров, рассказавший мне всё это, поёрзал, приваливаясь к куче щебня, за которой мы с ним прятались. Война, начавшая свой кровавый путь по планете, оставила свои отметины и здесь, превратив в руины окраину городка. Удар десанта был молниеносен – упавшие прямо на дома капсулы выбросили из своего нутра десятки космодесантников, которые немедленно открыли огонь, без промаха поражая выскакивавших на улицы мятежников. Этот кровавый урок был достойно оценён выжившими. Сбежав в лес, они перешли к тактике партизанских боёв и здесь уже перевес оказался на стороне местных.

Да, броня Его Детей могла без особых проблем сдерживать что импульс лазгана, что кинетические пули охотничьих ружей. Но одно дело, когда таких попаданий мало, и совсем другое, когда по одному работают сразу с десятков стволов. Как вода точит камень, так и мятежники истачивали силы десанта. Потери были небольшими – позавчера один легкораненый, вчера один убитый – вроде и немного, но для полуроты, направленной на очистку деревушки, даже они были чувствительными.

– И вы что? Не могли одним броском их смять? – Удивился я: – Вам же разметать толпу гражданских – раз плюнуть?! Видел я вас в деле – орлы! Демонов, почитай голыми руками рвёте! – В памяти всплыли треугольные головки, но, тряхнув головой, я отогнал наваждение.

– Демонов – да, – опять поёрзал Шоров: – Я бы сейчас много отдал, чтобы с ними, не этими, встретиться. Погано здесь, жрец. Очень погано.

– И всё же я не понимаю. Они же вот, – не высовываясь из-за кучи, киваю в сторону близкого леса: – Метров сто. Рывок – и победа за вами!

– Пробовали. В первый же день, – отворачивается он: – Минус шестнадцать братьев. Мятежников – ну... Десятка полтора. Может два. Стариков и раненых. Тех, кто в заслоне остался. Смертники, короче. Как до них дошли – подорвали себя. Ещё два брата в минус.

– Это как?! Прости меня, но потерять шестнадцать, как? Тут же сотня метров всего?

– Да, сотня. А там, – он повторяет мой жест: – Под тысячу стволов. Понятно, что слабых, понятно, что стрелки из них так себе, но количество! Им и взяли.

– Тысяча?

– Да. Здесь, – взмахом руки Шоров показывает на светлую стену домика напротив. Она вся испятнана ожогами попаданий и покрыта шрамами от кинетических зарядов: – Здесь под четыре тысячи жило. При десанте мы... Ну полтысячи... Ну, может тысячу перебили. Остальные удрали. И, почитай, в каждом доме, семье – ствол. Тут охота единственное развлечение. Стрелков, хороших, слава Отцу, мало, но нам и тех, что есть хватило. Вот так и сидим, – вздохнул он: – Голову высунешь – не факт, что назад без дырки вернёшься.

– А усовестить? Со словом добрым обратиться? Заболтать?

– Хочешь попробовать? Вперёд! – Кивнул он на верх нашего бруствера: – Только заранее завешание, или что там у вас, инквизиторов, пишут? И упомяни, что добровольно полез, без принуждения.

– Хм.

– А что до слова доброго, – лицо Шорова исказила гримаса боли и он, развернувшись ко мне всем телом, зло продолжил: – Знаешь, жрец, как нас встречали? Цветами! Девушки на шею вешались! Мужчины слёз не скрывали – как же! Его Сыны прибыли! Светлые Воины! Защитники справедливости! – Дернув головой он отвернулся и сплюнул, перебив плевком стебелёк цветка на бывшем совсем недавно красивом газончике: – А мы... Эх, жрец!

Немного помолчав, десантник продолжил и теперь в его голосе не было и следа прежних эмоций:

– Не думай. Приказ Примарха будет исполнен. Без жалости и колебаний. Сейчас броня подойдёт – под её прикрытием пойдём – местным пукалкам её не пробить.

– Мне с вами идти? Или после? Когда вы закончите? Ну там службу поминальную провести?

– Нет. Службу – это уж ты сам решай. Как по мне, то лишнее это. Отец сам решит – кто достоин близости Его, а кто нет. Для тебя другая работа есть.

– Слушаю.

– Пройдёшь по этой улице, – Шоров махнул рукой указывая направление: – До самого конца. Ориентир – отдельно стоящее здание белого кирпича. Вернее – его руины. Там снайпер их сидел – мы его ракетами накрыли. Меткий, сволочь был. И опытный. Трёх наших к Отцу отправил. Рядом с руинами кусты есть – в них себе место устроишь. Почему не в руинах? – Упредил он мой вопрос: – Так на них сразу подумают и вдарят. А ты мне живой нужен.

– Прямо по улице, до руин белого кирпича и позицию в кустах, – повторил я задание: – Принято, брат.

– Хорошо. План такой. Мы, под прикрытием брони на них надавим. Они – побегут. И точно на ту прогалину, что перед тобой будет, выскочат. Ну а ты их и встретишь. А после – как хочешь. Можешь и отходную прочитать. Если захочешь.

– Принято, брат. – Киваю ему: – Оружие какое дашь? Я, увы, с пустыми руками.

– К чему привык?

– Пистолеты, огнемёт, – пожимаю плечами: – А так любому типу обучен. Разве что фехтование у меня того, хромает.

– Сильно?

– На обе ноги. Но я молюсь и тренируюсь, брат.

– Тренируешься, это хорошо, – кивнул Шоров: – Пистолеты, или огнемёт я тебе не дам – слабы они. Гранатомёт? – Он с сомнением оглядывает меня и с сожалением качает головой: – Не обижайся, жрец, но, боюсь, не сдюжишь ты. Плазму? – Подтянув к себе своё оружие, он показывает мне массивный, сплюснутый с боков овал корпуса плазменной пушки: – Тут навык надо иметь. Перегреешь – рванёт так, что и ошмётков не останется. Так... Тяжёлый болтер, как и автопушка – отпадают. Тяжёлые, да и по площадям так себе. Хм... – Он было задумался, но миг спустя просиял и довольно щёлкнул пальцами – надо признать, весьма громко:

– А ты с грав-ганом знаком?

– С гравитационным эмиттером?

– Эээ... – Было видно, что официальное наименование этого оружия его озадачило и я поспешил поправиться:

– С гравитационной пушкой, ещё именуемой грав-ганом, знаком. Не шибко, правда – на полигоне пару раз стрелял, но в общих чертах – да.

– Отлично! – Подобрал с колен шлем, Шоров что-то шепнул внутрь: – Ща принесут. С ним брат Торок ходил. Ну, пока его снайпер к Отцу не отправил. Уверен – с ним ты справишься. С оружием, – заржал он, радуясь своей шутке: – Со снайпером мы уже.

Ждать пришлось недолго – не прошло и трёх минут, как прибежавший брат сунул мне оружие и, пригибаясь убежал – последнее было не лишним – засевшие в лесу мятежники вели плотное наблюдение за поселением, не оставляя шанса проявившим беспечность.

Более всего грав-ган походил на огрызок карандаша размером чуть меньше моей руки. Круглый, и словно гранёный корпус, тупой в задней части, был, словно заточенным спереди. Разве что грифеля не хватало – на его месте чернел провал, скрывавший эмиттерную головку. Пистолетная рукоять, короткий наплыв на месте цевья и небольшие грибки радиаторов по верхним трём граням составляли весь дизайн этого, не побоюсь сказать, загадочного

оружия. Если с лазерами, болтерами и прочим всё было более-менее ясно, то процессы, протекавшие внутри корпуса грав-гана, были далеки от понимания. Ходили слухи, что эта технология была получена от самого Хаоса, что несколько единиц были сняты с тел архипреда-телей, посмеявших напасть на Отца, но я в подобное не верил. Сказки. Страшилки детские. А вот в то, что мудрые техно жрецы совершили прорыв, или получили откровение от Него – да, в это я верил.

Но, в любом случае, это было оружие и оружие это было благословлено – по корпусу тянулись письма Святых Слов Его, дарующие повышение мощности и скорострельности.

– Ага, – перехватил мой взгляд Шоров: – Брат Торок его на мощность и скорострельность намаливал. Значит, смотри, – принялся он пояснять: – Режимов здесь несколько. Одиночные выстрелы – броню ломать, тебе не надо. Мятажники без неё. Разрывной выстрел – тоже не пойдёт – радиус поражения мал. Ну, трёх-четырёх зацепишь, а там их толка будет. Не. Тебе вот этот режим нужен – Мясорубка, – показал он на кнопку, чуть более вытертую, чем остальные. Вщёлкни её перед стрельбой и пали. Тут даже целиться не надо – на толпу навёл и спуск жми. Только не увлекайся – перегреть можно.

– И что тогда? Рванёт? – В памяти всплыли особенности работы плазменной пушки, рассказанные им же.

– Не, – отмахнулся Шоров: – Просто заглохнет. Ждать, пока остынет придётся. А это время. – В его шлеме что-то пискнуло и он, поднеся его к голове прислушался.

– Всё, жрец, – приподнялся он, надевая шлем: – Броня прибыла. Выдвигайся на позицию и жди – сообщу, как побегут.

– погоди, – качнул я грав-ганом: – Мясорубка? Это что? Не помню я такого режима.

– Увидишь, – качнул он головой: – Сам всё увидишь, жрец.

Запись номер МХХР-24-ССВА-023

Не заметить указанный Шоровым ориентир было просто невозможно – торчавший посреди выжженного пятачка, обломанный белый зуб, невысокого, как и всё здесь – в два этажа, строения было просто невозможно. Чем этот дом был раньше, сейчас понять было решительно невозможно – братья, обозлённые смелостью снайпера, прошлись по нему весьма плотным огнём, оставив внутри только спёкшийся в шлак пепел. Но я и не гадал – не до того было.

До руин было с сотню метров и всё это расстояние я прополз на брюхе, вжимаясь всеми силами в землю, нещадно давя попавшиеся на пути стебельки травы и цветов.

Есть! Первый участок преодолен и, става Тебе, Отче, незаметно!

Не иначе как сменил ты гнев свой на милость, дланью своей прикрыв меня.

Вознеся короткую молитву, чуть приподнимаюсь, выискивая кусты, о которых говорил десантник. Их тут много – на поле, отделяющим руины от леса вижу сразу несколько и один из них привлекает своё внимание кажущейся редкостью своих веток. Вот туда мне и надо – если что, то палить мятежники, прежде всего по руинам начнут, посчитав, что именно там, под прикрытием стен, сидит их обидчик. Поняв, что ошибаются – перенесут огонь на самые жирные и густые – продолжая следовать своим умозаключениям, ну а мои, те, что я выбрал, привлекут их интерес в самую последнюю очередь. Где ж там прятаться? И по вспышкам выстрела им меня не найти – грав-ган тем и хорош, что почти беззвучен и невидим. Так, лёгкая сиреневая вспышка у среза – не более того. Если ночью её ещё можно заметить, то днём, при таком солнышке как сейчас – практически невозможно.

Так что – молимся и ползём дальше.

В том, что мятежники здесь есть я и не сомневаюсь – лёгкий ветерок, тот самый, что прежде доносил до меня то цветочные ароматы, то чад копти, помог и в этот раз, принесся запах табачного дыма.

Ну да ладно, господа мятежники. Курите, нарушая все правила засад. Курите, разговаривайте, справляете свои потребности – авось и меньше на луг глазеть будете. Ведь нет же тут ничего?

Нет, нет и нет. Ну а что трава кое-где колеблется, так это ветерок с цветами играет.

Не стоит это вашего внимание, вы лучше глаза прикройте и подремлите, пение птиц слушающая, да мечтая, как вы братьев из Ордуса Кочерганус посрамите, когда те в атаку пойдут. Вы же их уже били, да? Били, господа мятежники. Так что вам стоит их ещё раз победить? Прикрывайте глаза, дремлите, в мечтах карателей побеждая, да дома свои, законные, себе возвращая.

Фуух!

Дополз!

Переползаю чуть в сторону, устранив оружие в просвете между ветками и немедленно замираю – над кустами, обрамляющими опушку леса метрах в полста от меня, появляется человеческая голова.

Превращаюсь в камень – сейчас только неподвижность может меня спасти от внимательного взгляда. Неподвижность и, конечно же, милость Его, взор врага отводящая. Бесшумно, только в мыслях, возношу молитву о спасении и Отче не оставляет.

Парнишка, покрутив головой и не обнаружив ничего подозрительного, выбирается на опушку и, расстегнув штаны, начинает делать то, что делают все мужчины стоя, а женщины – сидя. Завершив процесс, он скрывается в кустах, успев продемонстрировать мне висящую на спине винтовку – ничего особенного, самая рядовая кинетичка. Охотничья.

Слава Тебе, очи вражеские от слуги твоего отведшему!

Славься...

Довершить молитву не успеваю – с той части города, где я вел беседу с Шоровым, слышится грохот орудийного выстрела. Ещё один! Ещё! Их частые, звонкие в своей злости голоса, лучше иных слов говорят о начале атаки братьев. Подтверждая это, в моём шлеме щёлкает динамик.

– Ты как, жрец? На месте? – Раздаётся полный азартного веселья голос Шорова.

– Да, славный воин, – тихо-тихо, одними губами шепчу я: – На позиции, готов исполнить свой долг.

– Уже скоро. Мы двинулись, сейчас они побегут!

Прежде чем он отключается, я успеваю услышать пение десантников – хор их хриплых голосов выводит рисунок боевой литании, на короткий срок погружая воинов в священный транс.

– Не чувствуя боли ран, с полным холодного расчёта разумом, двинутся они на врага и падёт он, сжатым колосьям подобный, – шепчу я слова литании, мечтая обрести хоть часть той великой силы, коей Отец щедро наделил детей своих. Но увы – я всего лишь смертный и во мне эти ритмы, ничего кроме чувства священного восторга не вызывают.

Щелчок в динамиках.

– Жрец? – Голос Шорова беспокоен: – Мятежники не дрогнули. Стоят насмерть. Минус две коробочки.

– А...братья?

– Минус девять. Это неважно! Важно другое. Слушай! По данным перехвата к ним идёт подкрепление. Соседняя деревня поднялась. Пойдут мимо тебя. Встреть. И так, чтобы ни один не прорвался. Жрец? Ты здесь?

– Внемлю тебе, воин. Принято. Не подведу.

– Надеемся на тебя! Слава Ему!

Короткий щелчок

– Воистину... – договорить я не успеваю – дальняя сторона леса темнеет и на лугу начинают появляться крохотные, с такого расстояния, человеческие фигурки.

Запись номер MXXP-24-ССВА-024

Оптика шлема заботливо укрупнила сбившихся в толпу людей и передо мной предстало множество лиц. Молодые и старые, женские и мужские, все разные, но одинаково решительно настроенные. И все – с одинаковыми зелёными лентами.

Они были у каждого.

Повязанные вокруг шапок, или просто волос, заплетённые в косы или завязанные вокруг шей – куда бы я не взглянул, кто бы не попался мне на глаза, всё разнообразие лиц и фигур, объединяла связывая воедино, тонкая полоса зелёного цвета.

По толпе прошло шевеление и люди, наталкиваясь друг на друга, принялись строиться, формируя несколько отрядов. Это были не привычные пехотные коробки, радовавшие своими ровными рядами глаз обывателя. Нет, здесь люди формировали треугольники и, во главе каждого, стояла фигурка, в оливкового цвета, флак-броню.

И это было крайне неприятно.

Признаюсь, я до последнего не верил, что Астра Милитариум, самая массовая и весьма боеспособная сила нашей галактики, перешла на сторону мятежа. Да, про это говорил гросс-мейстер, да его слова подтвердил Шоров, но то всё были слова, и не более того. А вот увидеть подобное...

Это окрашивало ситуацию в совсем другие цвета. Я и представить не мог ситуацию, при которой Имперская Гвардия могла взбунтоваться. Да, служба там тяжела, но почётна. Да и тем, кто доживает до отставки по выслуге, им, таким счастливчикам, гарантирована безбедная жизнь на одной из курортных планет Империи. Ну а то, что таких мало – так это же не вина командования, не так ли? Будь твёрд духом, исполняй приказы начальников, усердно молись – и тогда тебя встретят ласковые воды тёплого моря.

Нет! Решительно что-то сильно прогнило на этой планете, если опора губернаторской власти пошла руку об руку с мятежниками.

Но полно рассуждений!

Надо сообщить Шорову о моём открытии.

Хочу активировать связь, но тут кусты, те самые, близкие, раздвигаются и на опушку выходят двое. Первым идёт уже знакомый мне паренёк. За ним, чуть отстав, появляется седой мужчина, почти старик. Отойдя от кустов на пару шагов, парень поднимает над головой винтовку, приветствуя подкрепление и там, заметив его жест, взлетает вверх с десятков разномастных стволов. Увидев ответ, парнишка аж подпрыгивает на месте – видно, что он готов сломя голову ринуться через луг, торопя прибывших. Его порыв останавливает старик. Что-то негромко сказав, он кладёт свой ствол, такой же охотничий, как и у паренька, на стиб руки и, окинув взглядом надвигающиеся треугольники, скрывается в кустах. Оставшийся один паренёк нерешительно косится на кусты, делает шаг вперёд, другой – я уже жду, что он нарушит приказ, но пересиливает себя, выплеснув эмоции в размахивание своим стволом.

Ну и славно.

Перевожу взгляд на отряды. Дальномер, уловив моё желание, принимается высвечивать дистанции до быстро шагающих фигур.

170...150...130...

Быстро идут.

Поворачиваю грав-ган и прижимаю кнопку нужного режима. Его дальность, я смутно помню ТТХ этого ствола, не то сто, не то восемьдесят метров. Подожду.

110...100...90.

Подняв оружие навожу чёрный зрачок эмиттера на первый отряд, но, чуть поколебавшись, опускаю ствол.

Нет.

Первого – пропустим. И второй отряд – тоже. Бить надо в центр колонны – тогда, в начавшейся панике, не до стрелка будет. Как это – первые две группы прошли, а третью – накрыло?! Решат, что здесь мины, на кратность настроенные. Замрут, опасаясь лишний шаг сделать – вот тут я их и прищучу.

Первый отряд проходит в полусотне метров от меня. Я чую запах множества пропотевших тел и в мои уши влетают неразборчивые обрывки разговоров. Идите, грешники, идите, радуйтесь жизни, не зная, что суд, именем Его, уже состоялся, и что всех вас ждёт кара, достойная преступлениям вашим.

Вот только виновны ли они? Из глубин памяти поднимается треугольная головка. Или они, как и мы, виновны только своим желанием жить? Честно и по своим законам? А, инквизитор? Что скажешь?

Зажмуриваюсь, отгоняя видение, а когда открываю глаза, то передо мной шевелится многоногая гусеница третьего отряда.

Пора! Прочь сомнения! Благо я им несу, от греха освобождая!

Плавню тяну скобу спуска и грав-ган, издав негромкий шелест, окутывает свой срез лёгкой сиреновой дымкой.

Облачко такого же цвета, разве что более яркое, проявляется перед грудью лысого, и обильно потеющего толстяка, шагающего в середине третьего треугольника. Пол секунды он непонимающим взглядом смотрит на возникший феномен, а когда миг истекает, его лицо перекашивает гримаса боли.

И не только его!

Быстро разрастающееся облако окутывает почти весь отряд и мятежники, оказавшиеся в этой невесомой дымке, начинают корчиться, перемалываемые и перекручиваемые гравитационными волнами.

Пара секунд, и там, где только что шагало десятка три человек, парит красное озерцо.

Страшное оружие грав-ган. И страшен режим этот – мясорубка который.

Второй отряд, услышав предсмертный стон своих товарищей, останавливается. Люди начинают разворачиваться и я, переведя ствол на них, жму спуск.

«Зона нестабильной гравитации» – всплывает в памяти официальное название этого режима, когда начинает исходить паром второе озерцо.

«Эффективно против небронированных и слабобронированных целей», – продолжают лезть подсказки: – «Против тяжёлой брони и техники эффективность обратно пропорциональна массе цели».

Появление третьего водоёма, или – «кровоёма?» совпадает с градом картечи, рубящей ветки у меня над головой.

Заметили?

Нет... По площадям бьют. Посылают заряды на удачу, авось и заденут. Доворачиваю ствол в сторону последнего, четвёртого отряда, но прежде чем мой палец касается спуска, сразу несколько пуль бьют меня по голове и плечам. Их попадания мне не страшны – что могут сделать градины мягкого, пусть и тяжёлого металла силовой брони?

Ничего!

Страшно другое – часть прилетевших в меня подарков, ricochetит и, издав пронзительный визг, рубят соседние ветки.

Раскрыт!

Все оставшиеся стволы направляются на меня и я, поняв, что шансов спрятаться нет, привстаю, вскидывая грав-ган.

Наши залпы одновременны.

Заваливаясь на спину, ощущая множество ударов, наполняющих тело болью, я успеваю различить сиреневую хмарь, окутывающую отряд.

– Жрец? Жрец? – Слышу голос Шорова, и мучительно пытаюсь вспомнить – а был ли щелчок перед этим? Был, или нет? Почему-то именно этот вопрос для меня важнее всех загадок мироздания и я молча морщу лоб, пытаюсь решить эту загадку.

– Жрец? Ты жив?

– Жжжж...

– Не слышу! Жрец! Помехи на линии! Ты жив? Ответь!

– Жжжии...Ааарррх! – Выбитый выстрелами воздух наконец наполняет лёгкие и я, глотая его как воду, выдавливаю:

– Жив! Подкрепление... – новый вдох – как же хорошо дышать: – Перебито!

Запись номер МХХР-24-ССВА-025

Отче!

Надеюсь, нет – уверен, что Ты, и сам будучи воином, понимаешь всю сложность вознесения молитв Тебе на поле боя. Понимаешь – и не осудишь меня за пропуск, ибо только от желания лучшим образом служить Тебе, это проистекает.

Верен я Тебе и сердце моё, по-прежнему полно любви к Тебе, хоть и искушают меня деяния слуг твоих доверенных. Это как же надо было довести стадо твоё, чтобы оно против пастырей своих поднялось?!

Укрепи веру мою, не дай сомнениям ростки пустить!

Запись номер МХХР-24-ССВА-026

Шоров появился, когда я, уже полностью восстановив дыхание, возился с замками шлема, пытаюсь стащить с головы осточертевший горшок. Пальцы дрожали и раз за разом соскальзывали с защёлки, впуская воздух.

Не говоря ни слова, он присел рядом и, отведя мои руки, быстро победил сопротивление замков, позволив, наконец, моей голове выбраться из бронзового плена.

– Молодец, жрец! – Подняв руку он уже хотел было хлопнуть меня по плечу, но, покосившись на моё лицо, передумал и лишь победно взмахнул ей в воздухе: – Ты нам сильно помог – как наши поняли, что подкрепления не будет – так сразу слабину дали!

– Наши? – Пытаюсь встать и Шоров поспешно помогает, подставляя руку как поручень.

– Мятежники, что против нас были. Одну коробочку они нам пожгли, но оставшиеся две, слава Машинному Духу, так вперёд рванули, что мигом среди их порядков оказались, – он весело рассмеялся: – Дух-то он, тоже жить хочет! Ну а мы следом рванули – сквозь проломы в баррикадах. – Поставив меня на ноги и удерживая под руку – последнее было не лишним – мотало меня конкретно, он медленно двинулся в сторону деревеньки.

– А как ворвались – вот тут, скажу я тебе, жрец, ещё та потеха пошла! Я, наверное, не меньше сотни положил, да и братья не отставали! Они-то, на помощь рассчитывали – мол, если мы прорвёмся, то они сразу ноги сделают – под прикрытием новых. А тут – такой облом! Рванули-то они споро, но и мы не отставали – некому было нас огнём прижать. Всех порешили – едва горсть малая уткнула. И за это тебе, жрец – спасибо! И от меня, и от всех братьев наших!

– Слушай, Шоров, – остановившись, я попытался развернуться, чтобы взглянуть ему в лицо, но его рука крепко держала меня, так что мне пришлось вывернуть шею: – Чего ты заладил – жрец, да жрец? И пусти меня, я уже вполне в себя пришёл.

– А как же ещё тебя звать? Ты – лицо духовное, вот и зову, как положено. Не инквизитором же тебя звать?

– А что такого? И да – я и есть инквизитор. Да отпусти ты!

Знал ведь, что дёргаться бесполезно – куда мне, простому смертному, против Его сынов. Но попробовать, всё же стоило.

– Ну, ты же понимаешь, – к моему удивлению, Шоров всё же выпустил мою руку, но немедленно заняв положение у меня за спиной, мягко подтолкнул вперёд: – Согласись, инквизитор... Это несколько...

– Зловеще? В смысле звучит нехорошо? – Развернувшись, я ткнул пальцем ему в грудь. Хотел в грудь – получилось только в живот: – Но я – именно инквизитор! И перестань меня отгораживать. Что там, – киваю ему за спину: – Такого, что мне видеть не следует?

– Да ничего, – начал было он, но я, проворно шагнув в сторону, увидел то, от чего Шоров так старательно меня уберегал.

Оптика шлема, при всей своей совершенности, всё же не могла передать те нюансы, что улавливали самые совершенные приборы человека – его глаза. И сейчас, глядя на уже не парившие озёра крови, к созданию которых была приложена моя рука, зрение, испытывая нервную систему на прочность, фиксировала взгляд то на куске скальпа с длинной прядью светлых волос, то на кисти, чьи растопыренные пальцы пытались ухватить небо, то на...

Но нет, довольно!

Рвотный спазм сложил меня вдвое и десантник, словно заботливая мать, придержал меня за пояс.

– Ну вот, я же говорил, – начал он неожиданно заботливым тоном: – Ты хоть и инквизитор у нас, но от такого выворачивает всех – будь они, что рядовыми, что лордами. Ты не смотри туда, – легкое нажатие рук развернуло меня, не прекратившего опорожнять желудок, в сторону домиков: – Сейчас брат Честер подойдёт. С огнём. И следов не останется.

– Погоди. – Выпрямившись, я отцепил с пояса флягу и несколько раз прополоскал рот: – Не надо огня. Мне молитву прочитать надо. Над убиенными.

– Так они же мятежники?

– Прежде всего – они люди. Люди, по наущению тёмному, не на ту тропу вставшие. Бедные заблудшие души – нельзя их так оставить.

– Я помолюсь с тобой, – Шоров произнёс это тоном, не допускающим пререканий и прежде чем я успел как-либо ответить, опустился на колени: – Удивлён, инквизитор? – покоился он на меня: – Я знаю, что грешен. И знаю свою вину и перед этими, – он кивнул на начавшие застывать лужи: – И перед теми, что за баррикадами стояли.

– Если хочешь, – став на колени рядом я сложил руки, готовясь к молитве: – После исповедую тебя.

– С радостью! Я буду... – начал было десантник, но резко смолкнув, поднёс к голове шлем, и по мере того, как он выслушивал новое сообщение лицо его мрачнело.

– Молитва с исповедью откладывается, – поднялся он одним движением на ноги: – После всё. На орбиту прибыл флот чужаков! Наши корабли маневрируют, занимая позицию для атаки! Приказ штаба – приготовиться к отражению десанта!

Запись номер МХХР-24-ССВА-027

Нестандартная ситуация требовала срочных мер и Примарх, прибывший в систему Гар-рас на борту Боевой Баржи ордена, собрал старших офицеров для Совета. Как это не странно, но и ваш покорный слуга не избежал приглашения. Впрочем, ничего сверхъестественного в этом не было. Как ни как крути а я, уже выполнивший немало поручений Ордена, был единственным представителем нашего оффиссума, на которого Примарх мог в данный момент рассчитывать. Об этом он заявил сам, поясняя остальным причину моего присутствия на Совете. Правда, сопроводив сей комментарий явно недовольной гримасой.

Ну да ничего. Я не гордый – ради общего дела моги у перетерпеть.

А вот дело и вправду было как общим, так и далеко не стандартным.

Появившийся на орбите флот принадлежал Империи Тау и подобный факт вводил в ступор любого, хоть мало-мальски знакомого с повадками этой рептилоидной расы. Ну не были голубокожие захватчиками – вся концепция их расы, счастливо избежавшей экстерминатуса многие тысячи лет назад, вся их идеология была пронизана идеями «Великого Добра», или «Всеобщего Блага». В их, разумеется, толковании. Империя Тау прирастала мирами, отнюдь не взятыми силой – нет, расы, с которыми выходили на контакт представители клана этериалов-правителей, сами – и добровольно, принимали их идеологию, вливаясь в сообщество. И, надо заметить, этериалы могли встроить в свою семью новых членов. Так Крууты – как по мне, то голые пятнистые дикари, стали их рукопашной пехотой. Проворные, чествовавшие себя в любом лесу как дома, они, накидывались толпами на своих противников, в мгновение ока растерзывая их на куски. Мал'Коры, или, называя их по-нашему – Веспиды – летучие насекомые, стали их разведчиками, а ведь были ещё и расы торговцев, и шахтёров, и даже – были и такие слухи, расы псеглавцев и разумных жаб. Жили среди них и люди, позорно сбежавшие из под Его Длани к чужакам, ради лёгкой жизни.

Последнее сильно отдавало ересью и наш оффиссум неоднократно пытался направить своих эмиссаров на территории Тау.

Увы, но каждый раз – безуспешно.

Стоило лишь нашим кораблям войти в пространство «Империи Добра», как они были вынуждены лечь на обратный курс, подчиняясь настойчивым просьбам хозяев. Настойчивым и всегда подкреплённым силой оружия. А вот оружие у них было что надо. Это признавали, пусть и крайне неохотно, даже в космодесанте. Имея низкую реакцию в рукопашке, синемордые сделали ставку на дальний бой и, надо признать, весьма в этом преуспели. Самое их массовое оружие – импульсная винтовка, гарантированно пробивала флак-броню, испытывая небольшие затруднения лишь с силовой. Добавьте к этому поразительную дальность, скорострельность и вы поймёте, почему встреча с Тау не вызывала особого оптимизма у боевых братьев. А ведь ещё были и боевые костюмы, превосходно бронированные танки, дроны с силовыми полями – в общем эта Империя Добра была с кулаками.

Надеюсь, что сумел дать вам представление, почему появление флота Тау вызвало такой переполох. Ещё большую нервозность вызвало обращение с их флагмана, переданное на открытой волне. Этериал, представший на видео, опирался на боевой шест, часто применяемый этой расой в переговорах. Не надо думать, что синемордые, зайдя в тупик спора, или будучи лишёнными аргументов, принимались лупить друг друга этим оружием. Фехтование шестами, практически полностью лишённое боевой составляющей, служило дополнением к словам, подчёркивая важность сказанного, или разрушая, условно, конечно, построе-

ния оппонента. Чисто декоративный элемент – не более. Вот только сейчас, когда атмосфера и так была накалена, эта тонкая палка с длинным остриём, была воспринята как вызов и угроза.

Поклонившись, Этариалы чтиты обычаи иных рас, он проинформировал нас, что прибыл в систему с единственной целью – ради преумножения Добра. Возможно, виной тому были сбои в системах сервитора-переводчика, но слова перевода, расценить иначе как ультиматум, было сложно.

– Известно, – начал свою речь Этериал: – Империя людей могуча.

Короткий поклон.

– Известно, что она изобильна людьми и Империя может менять их на своих планетах по своему желанию.

Поклон.

– Мы, действуя ради Всеобщего Блага, прибыли сюда только для его преумножения. Вы хотите прервать их жизни. Мы просим проявить Доброту и позволить нам забрать их себе.

Поклон.

– Всех, кто по вашим правилам, приговорены. Империя Добра найдёт им место, умножая общее Благо в галактике. Цenia ваше время и ваши силы, мы начнём немедленно. Наши транспорта уже идут к планете.

Очередной, более глубокий, чем предыдущие, поклон и Этериал, попятившись, легко усаживается на сложное кресло-трон, стоявшее посреди ярко освещённой рубки.

– Во имя добра и милосердия!

Связь прерывается и на экране появляется панорама флота чужаков. Прежде чем картинка исчезает, я успеваю узнать не менее пяти тяжёлых крейсеров, двух носителей и целой орды лёгких эсминцев, чьи самонаводящиеся торпеды не раз приносили победу силам синемордых.

В воцарившейся тишине я слышу голос гроссмейстера:

– Стоя против такого флота, не подобрать крайне сложно.

Запись номер MXXP-24-ССВА-028

Дай мне терпения, а на уста печать молчания наложи, Отче!

Ибо стоило лику синему с экрана пропасть, как вспыхнул спор среди детей Твоих.

Одни, ратного духа преисполнившись, в бой рвались, спеша доблестью своей, да решимостью, посрамить чужаков, в пределы Империиума, вторгшихся.

Другие, и среди них брат-гроссмейстер был, стояли за выжидание, силы наши, призвать предлагая, дабы мерзости инородной урок преподнести, да такой, чтобы те во век помнили, и детям своим передавали.

Я же, скромный слуга Твой, поспешил молитву вознести, прося Тебя о ясности мысли и хладнокровия действий.

И был, за усердие своё, немедленно наказан!

Примархом Твоим, сильномогучим. Сравнил он меня, с бабой, в минуту опасности молитвы возносящую. Сказал, что не мужчина я, раз платье, длиннополое, ношу и не спешу оружие в руки взять, Отечества обороны ради.

Но стерпел я слова обидные, в самое сердце меня ранившие. Стерпел, обиду не высказав, а тут и объявление по всем кораблям прошло – сам Лорд Сегментный, именем Твоим, путь нам указать соизволил.

Приказал он нам, усердия больше высказать, поверхность планеты очищая. Приказал силу свою чужакам синелицам демонстрировать, дабы убоявшись, отказались они от планов своих поганных.

– Именем Империи и Императора! – Худощавый мужчина, чьё лицо наводило на мысли о топоре, коротко взмахнул золотым жезлом, на конце которого раскрывал крылья двуглавый орёл: – Ради граждан Империиума от чужаков обережения! И! Дабы не допустить их страдания под пятой инородной! Приказываю! Усилия по очистке Гарасса Семь! Утроить! Не допустить граждан добрых в плен позорный попадания!

Новый взмах жезла:

– При встрече с чужаками, Тау себя называющими, нести Знамя Империи высоко! Гордо демонстрировать мощь нашу! Прямых столкновений не допускать! На огонь враждебный не отвечать, выбирая пути тактических обходов, заблаговременно!

Отче!

Не преувеличения ради, а только точности для, скажу – сей приказ привёл детей твоих в замешательство изрядное. Вновь спор их жаркий вспыхнул, но я же, видя в словах слуги Твоего высокого, мудрость, коей Ты наполнил главу его, возрадовался.

Примарх же, видя, как лицо моё осветилось, лишь скривился и вопрошает меня, причину веселия моего не понимая.

И тогда отвечал ему я:

– Сие чудо, Примарх! Стали мы с вами, свидетелями, как воля Его исполняется! Ибо кто как не Он, любя чад своих, Тау сюда направил? И кто как не Он, Лорда вразумив, мешать им воспретил? Разве не есть это знак, Им нам всем дарованный?

Покачал головой Примарх, в мудрости своей, со мной не согласный. Не увидел он в этом знака Твоего, а увидел лишь совпадение несчастливое, да трусость, Лордом проявленную. И меня, слугу Твоего, снова хулить начал – мол де рук я мужской работой пачкать не хочу. Той работой, что тяжела и кровава. И снова сдержался я. Лишь поклонился, да заверил его,

что готов любой приказ, от него исходящий, выполнить. И именем Твои поклялся – что умру скорее, чем подведу его.

Лишь тогда он смягчился и гнев свой, с раздражением, в ножны умиротворения вложил.

Возможно ли такое, Отче? Чтобы сын твой, часть плоти и духа твоего, замысел Отца не увидел? Или прав он, а мне любовь к Тебе, чрезмерная, зрение затмило? Да разве может такое быть? Разве может любовь границы иметь?

Но – умолкаю.

Брат-интендант зовёт – сильно моя броня в том бою побитой оказалась. Спешу сменить её на новую, дабы любовь свою и дальше к Тебе нести.

Всё. Бегу в каптёрку – брат хмурится, а такого человека ни как печалить не стоит.

Запись номер МХХР-24-ССВА-029

Новая броня, выданная мне из поистине бездонных складов Боевой Баржи, была выше всяких похвал. Мне, скромному чиновнику нашего славного офиссума, даже стало неловко, когда на стойке каптернамуса начала расти гора сверкающего металла. Отполированная до зеркального блеска кираса, на груди которой, гордо расправляет крылья Имперский орёл. Наплечники – тоже сверкающие, округлые, с краями, убранными в золотой кант, по центру которых начертана литера I с золотым черепом посередине. Поножи, сапоги, наручни – всё это боевое железо, весь комплект был выполнен в одном стиле, и, как по мне, был этот стиль излишне помпезен.

– Чего замер? – Расплылся в улыбке интендант: – Владей! Я эту броньку как увидел, так сразу себе забрал. Ордену, то бишь. Вот как чувствовал – пригодится.

– Ааа... Прошу меня простить, добрый брат, – поклонился я ему: – А чего по проще, по скромнее у вас нет? Не скрою – очарован красотой этой брони, нравится она мне – безмерно, но уж ярка слишком.

– Так ты ж инквизитор?! Тебя должны издали видеть!

– Ага. И разбежаться. Так?

– Ну, типа того, – на его лице появилась улыбка: – Да не робей ты. Бери. И вот ещё, – он на миг скрылся за своей стойкой, а когда выпрямился, то рядом с бронёй появились ещё два предмета.

И если первый из них, похожий на сплюснутую турбину в овальном корпусе мне не был знаком, то второй не узнать было невозможно.

Силовой молот.

Тяжёлое, для двух рук, оружие ближнего боя.

Его ударов боялись все – что пехотинцы – опытный боец мог одним взмахом отправить к Отцу окруживших его противников, что техника – редкая броня могла выдержать попадание окутанного силовым полем наконечника.

При всей своей мощи, молот имел один изъян.

Он был тяжёл. Для меня, конечно.

Это десантники, имевшие истоком своей силы гены Отца, могли без усталости размахивать им, кроша в пыль своих врагов. Они, но не я. Пара, ну тройка взмахов и всё. Выдохнусь, став лёгкой мишенью для недоброжелателей.

– А другого ничего нет? – Осторожно глажу рукоять молота: – Ну там болтера, огнемёта, или, хотя бы пары пистолетов – я к фехтованию, как бы это сказать, ну не очень.

– Приказ Примарха, – пожимает в ответ плечами брат-интендант: – Он просил передать, что путь преодоления ведёт к славе.

– Воистину так! Мудр ваш Примарх, – беру оружие в руки – тяжел он, зараза. Ну, Примарх! Это ты мне роскошную ловушку подставил – знаешь же, что я больше по стрелковке, и что с ближним боем проблемы! Хочешь, чтобы я обделался?

– И велика мудрость его, мне на слабые места мои указывающая! – В голове проносится картина лежащего на пыточном столе Примарха. Уж я б расстарался, уважил бы его! Ведь этим молотом он не только мне ловушку поставил – сам он в неё уже угодил. Разве не грех это, неподготовленного должным образом, на задание посылать? Тем более что Тау как раз стрелки и мне, с этой дурой железной, вполне может статься и не дойти до них. Дырок наделают и всё – здравствуй, Отче!

Грех это, как есть грех! А где грех – там и ересь.

Впрочем, надеваю маску адвоката, Тау в ближнем бою слабы – даже мне, убогому, их перебить несложно будет. Тем более с таким оружием.

Ну, это, конечно, если дойду.

– Мудрость Примарха нашего – велика, – не скрывая улыбки прерывает мои мысленные построения интендант: – И плохо тем, кто ему не приглянется. Ты вот, – он наводит палец на меня: – Именно такой случай.

Вздыхаю и развожу руками – мол, что поделать.

– А вот парням – наоборот, глянулся ты. И это, – он пододвигает в мою сторону турбинку: – От них подгон. Прыжковый модуль. Не такой мощный как у нас, но метров на пятнадцать-двадцать закинет.

Киваю: – А больше мне и не надо – короткий рывок из-за укрытия, прыжок... И пойдёт гулять молот по мордам, да по синим!

– Во! Проникся! Не вешай нос, инквизитор! Не всё так плохо!

– Ну да, – соглашаюсь с ним: – Могло бы быть и хуже. Особенно – без парней наших.

– Давай, облачиться помогу, – интендант выбирается из-за стойки: – А как закончим – к Шорову двигай. У него для тебя задание есть.

Запись номер МХХР-24-ССВА-030

Инструктаж, организованный братом Шоровым, было решено провести прямо на борту челнока, возвращавшего нас на поверхность Гарраса Семь. На мой вопрос – а что не на борту Баржи, он, потемнев лицом, принялся запутано и сбивчиво пояснять о ценности времени и о его горячем желании как можно быстрее выполнить указание Секторального Владыки.

– Брат! – Прерываю его поток слов, подняв руку: – Говори напрямую. Ты что – прослушки опасаясь? Не думаю, что проказа мятежа к вам на борт могла проникнуть. Корабль только что прибыл, с планеты, кроме нас, на борт никто не поднимался – чего опасаться? И не надо меня убеждать в своей лояльности Лорду – мы оба прекрасно понимаем кто он такой, и что из себя, вместе со своим планетарным начальником представляет.

– Ну... – Он мнётся: – Видишь ли, инквизитор... эээ... Нет. Заразы мятежа, или, тем паче синих ушей на борту быть не может. В этом я уверен.

– Опасаешься своего Примарха?!

– Не ради себя. Ты себя нормальным бойцом показал и я, – он вновь запинаясь, словно споткнувшись на ровном месте: – Мне бы не хотелось, чтобы ты, выслушав приказ, во всеуслышание его критиковать начал.

– Я?! Критиковать? Волю Примарха? Хм... А знаешь, – взгляд мой падает на рукоять молота, торчащую из фиксаторов: – Спасибо тебе, Шоров. Предусмотрительно поступил. Что ваш Примарх от меня хочет – ещё не знаю, но чую дельце он мне подготовил то ещё.

– К сожалению, да, – кивнув, он машет моему сервитору: – Все планы в него загружены. Дай ему команду, пусть выведет.

Воздух перед нами налился синим светом и в нём начали проступать очертания крупного, куполообразного строения, к бокам которого прилепилась парой пристроек-куполов поменьше.

– Центральный стадион Гарраса, – принялся давать пояснения Шоров: – Сейчас используется как место сбора, – он снова запнулся, подбирая верное слово: – Ну... Там те, кому жить негде. Стало.

– Благодаря нам? – Перевожу взгляд с изображения на него, но он отводит глаза, ответив мне коротким кивком: – В общем там те, кого синемордые в первую очередь эвакуируют. Те, кто, по их мнению, больше всего Блага недополучил, или утратил. Мы так их слова поняли.

– Наиболее пострадавшие.

– Да, можно и так сказать.

– А мне там что делать? Посмертные молитвы – тем, кто до эвакуации не дожил, прочитывать?

– И посмертные – тоже. – Шоров вновь отворачивается и, откашлявшись, продолжает официальным тоном: – Инквизитор! Приказ Примарха! Попасть внутрь и даровать всем страдающим освобождение от мучений!

– Эээ... Не понял? Шоров? – Я повернулся к нему всем корпусом, но десантник старательно смотрел мимо меня: – Шоров! Ты сам понимаешь, что сейчас сказал?! Перебить беженцев! Он, Примарх твой, что совсем...

– Такова его воля! – Перебил меня он, не позволяя произнести уж совсем еретические слова.

– А с орбиты? Что? Нельзя, что ли ударить?

– Примарх, – продолжая смотреть мимо меня: – Пожелал, чтобы именно ты даровал несчастным радость освобождения и сопровождал их души достойной молитвой. А с орбиты нельзя – в здании Этериал и медики Тау.

– Ммм... Демоны! Шоров! Но там же – раненные! Женщины, дети!

– Им будет лучше у подножия Трона Его, нежели в рабстве у чужаков.

Челнок качнуло на воздушном ухабе, потом ещё на одном и последовавшая затем тряска сделала всякое продолжение разговора невозможным. Лишь только тогда, когда наша скорлупка начала посадку, именно тогда – за секунды по приземления, десантник повернулся ко мне.

– Не грусти, инквизитор. Сам же знаешь – милость Его беспредельна.

– И да накроет Его длань, благодатная, нас обоих, – вздохнул я, вытаскивая молот из фиксаторов: – Желательно.

Запись номер МХХР-24-ССВА-031

Укрепи меня!

Развей сомнения, клыками острыми, меня грызущие!

Отче!

К милости твоей взываю!

Ибо разум мой, волей Твоей и Примарха приказом связанный, холоден, решимости полный. А вот сердце моё – колеблется. Ибо не верю я, что Ты, жизнь нам всем дарующий, мог на дело подобное, слугу своего отправить.

Прервать жизни безгрешных, раненых, женщин и детей, спасения ищущих! Ведь не можешь ты зла им, чадам своим желать!

Дай мне знак, Отче!

Огради душу мою от греха ужасного, не дай рукам моим кровью тех, кто к милосердию взывает, обогреться!

На Тебя уповаю – спаси! И их, и меня, ничтожного!

Запись номер МХХР-24-ССВА-032

До окраины поселения, возникшего вокруг громады планетарного стадиона, меня домчал глайдер, за рычагами которого сидел сам Шоров. Всю дорогу мы проделали молча – пару раз он, правда, пытался завязать разговор, но после моего очередного кивка, бросил эту затею.

– Прибыли, – нарушил он тишину, когда впереди, выплывая из пластов тумана, показались силуэты невысоких строений.

– Обойдёшь здания – тут в основном склады, так сразу и стадион увидишь. Не перепутаешь, эта громада хорошо видна.

Молча кивнув, отстёгиваю ремни и, откинув дверку, выбираюсь на густую траву.

– Эй, инквизитор, – окликает он меня, едва я успеваю сделать пару шагов.

– Чего? – Разворачиваюсь, закинув молот на плечо: – Что хотел, боевой брат?

– Ты зла не держи. Сам же понимаешь...

– Понимаю. – Киваю, не допуская на лицо и тени эмоций: – Приказ. Ты человек подневольный. Долг и всё такое прочее. Да, брат?

Он молча опускает голову.

– А знаешь, – сделав шаг к глайдеру, кладу руку на теплый борт: – Пошли со мной? Вместе задание Примарха твоего выполним, вместе и груз, что на совесть ляжет, разделим.

– Не могу, – на поднимая головы выдыхает он: – У меня...

– У тебя – приказ, – завершаю фразу за него: – Удобная это штука – приказ, да? Тебя на мерзость посылают, а ты и чист как бы. Приказ же. Это не я, это всё Примарх. А я невиновен. Приказ же исполнял. Так?

– Инквизитор! Ты искушаешь моё терпение!

– Ну так в чём дело? – Отступив на пару шагов, сбрасываю молот в траву и развожу руки в стороны: – Рази! Убей меня и тем ты жизни тех, кого твоё сволочное начальство на смерть обрекло, спасёшь. Рази – я с радостью погибну, зная, что они спасутся. Ну же, брат! Подними плазму и сожги меня!

– Не. мо. гу... – Фигура Шороса и так поникшая, скорчилась на сиденье, словно он пытался свернуться в клубок: – Знаю – ересь говорю, знаю, кара мне за это будет – но ты прав! Смерть твоя спасёт их.

– Ну? Ну же?! Стреляй!

– У меня приказ. – Резко выпрямившись, он положил руки на рычаги и продолжил уже знакомым мне деревянным тоном: – Привезти тебя сюда, посадить, не чиня ущерба здоровью и вернуться в расположение. Прощай, инквизитор! И да прибудет...

– Трус! Слабак! – Видя, что глайдер начинает разворачиваться, подскакиваю к нему и, с размаха, впечатываю облитый сверкающей бронёй кулак в борт машины: – Шорос! Ты – подонок! И Примарх твой! И Лорды! И...

Громкий всхрип двигателей и глайдер, оттолкнув меня прочь упругой воздушной волной, срывается с места, в мгновение ока исчезая из виду.

– Сука. Трус. Ничтожество! – Подобрав молот, закидываю его на плечо и бреду к силуэтам складов: – Как вы, дети Его, могли так измельчать?! Отче! – Остановившись, задираю голову к медленно светлеющему утреннему небу: – Ты! Как допустил такое! И я тебе поклоняюсь?! Несу тебе свет своей любви? Тебе, не видящему, что с детьми его происходит?

Небеса молчат, не желая обрушить на мою голову... Да ничего они не обрушат.

Вздыхаю.

– Да, я впадаю в ересь – беседую я сам с собой, бредя к ближайшему зданию: – А интересно получается, да, друг-инквизитор? Ведь ты же честно служил, искренне молился и вдруг, всего-то получив преступный приказ, раз – и еретиком стал.

– Хм-хм-хм. – Задумчиво чешет затылок мой альтер-эго: – Да. Соглашусь с тобой. То бишь – с собой. Интересный случай. Ну, костёр нам теперь гарантирован. Даже если Шорос и не донесёт, запись с его брони лучше любого доноса будет.

– Думаешь не донесёт? Тогда и ему прилетит, а своя-то шкурка – дорого стоит.

Передо мной вырастает стена здания и я, иду вдоль неё, ожидая угла, за которым откроется вид на стадион.

– Может и донесёт, может и нет – нам-то какая разница?

– Это ты прав, – соглашаюсь сам с собой: – Жаль пистолета нет.

– Угу. – мы, то есть я, подхожу к углу здания:

– Как думаешь? – Прежде чем завернуть, перехватываю молот: – А им – получится?

Заворачиваю за угол и немедленно, что-то плоское и длинное упирается мне в грудь. Машинально делаю шаг вперёд, чуть поведя корпусом, и железка, бессильно скрежетнув по броне, соскальзывает в сторону.

– Развели, бардак!

Опускаю голову – но внизу, вместо ожидаемой кучи мусора, медленно и как-то заторможено, копошится солдат Тау, отброшенный моим движением на спину.

Запись номер МХХР-24-ССВА-033

Перепорхнувший в руки молот, словно сам собой, метнулся вперёд и вниз, с лязгом впечатывая тупой конец ударника прямо в центр брони чужака.

Негромкий хруст и солдат Тау валится навзничь, так и не сумев приподняться. По его груди, по броне, составленной из двух широких пластин, разбегаются, змеясь трещины. Он дёргается всем телом, раскидывает в стороны руки, ноги и замирает, неестественно, не по живому, вывернув голову, закрытую глухим шлемом с множеством линз объективов на передней части.

Фуух!

Отбился!

Прислоняюсь к стене, не сводя настороженного взгляда с чужака – а ну как очнётся, вскинет винтовку и... Но нет. Воин касты Огня мёртв.

В центре его груди – точно там, куда пришёлся удар молота, желтеет небольшой, с ладонь, чудом уцелевший кружок и я присаживаюсь на корточки, привлечённый его блеском.

Поверхность золотого диска пересекает косая черта с двумя шариками на концах.

Та-ак. Этот Тау был из системы Виор-ла, или – Фир-ла – с собственными названиями чужаков всегда проблемы. Припоминаю, что та система имеет две звезды, жаркий климат и была колонизирована синемордыми одной из первых.

Жаркий климат... М-да... А здесь, на Гаррасе, прохладно. Особенно, по утрам. А Тау у нас – рептилии, то бишь, холонокровные.

Угу, киваю своим мыслям. Вот почему он таким заторможенным был. Замёрз.

Наверняка его здесь часовым поставили. И, так же, наверняка, он меня издали заметил – за это говорит и моя сверкающая броня, и обилие линз на его шлеме, и то, что Воин Огня в засаде, за углом сидел. Ждал, когда я на него выскочу. Ну да, у них же целая доктрина боевая есть – что-то вроде «Терпеливого Охотника» называется. Вот он и ждал.

А когда я выскочил – не успел среагировать.

Рептилия.

Мои губы против воли кривятся в презрительной усмешке. И ты, прибывший на нашу землю, хотел с нами – с людьми, биться? Ну так поделом тебе – лежи в чужой для тебя траве.

На поясе воина замечаю длинный нож, ножны которого перевиты двуцветной – белой и синей лентой.

Трофей? Тяну руку к ножу, желая забрать его себе. А что – имею право. С боя взято – все по-честному, но моя рука, не пройдя и пол пути, зависает в воздухе, а затем и вовсе отодвигается от тела.

Нет. Нельзя, как бы не хотелось.

Мне же внутрь идти – а там Этериал, и не один, а с охраной. И что они подумают, увидев у меня на поясе нож одного из своих? Ясно что – убийца перед ними.

Демоны! Убийца!

Осознание факта произошедшего заставляет меня вновь искать опору у стены. Нет, сам факт убийства меня не беспокоит – оружие наставлял? Наставлял. Значит, всё правильно сделал. Я – правильно. А проблемы замёрзшей рептилии меня не интересуют – могли бы и подогреть в свою броню, к слову – весьма неплохую, засунуть.

Нет. Меня передёргивает от другого.

Приказ Секторального Лорда был ясен – в бой не вступать, на огонь не отвечать и так далее. А я, получается, его указания злостно нарушил. И да – именно так. Злостно и преступно.

– Да-да-да, – разведёт руками Примарх, или Лорд, ведя беседу с возмущённым Этериалом на флагмане чужого флота: – Инквизитор, впад в безумие, нарушил прямой приказ и его

действия прошу не считать актом агрессии с нашей стороны. Вы его взяли? Нет? Убили, защищая гражданских? Ну так и поделом ему! Благодарим за содействие.

Вот же...сволочи! Как всё точно рассчитали – не могу же я своё обещание Примарху нарушить и его приказ не исполнить? А то, что, выполняя это задание я по любому с Тау столкнусь и, как не крути, драться с ними буду – это верно так же, как и то, что Отец наш, на Золотом Троне пребывает.

И выхожу я дважды отступником.

Хех... Одним – я покосился на труп у моих ног, уже стал. Да и там – бросаю взгляд на громаду стадиона, явно не два-три человека. И не сотня – там тысячи поместятся – мне, просто физически, их всех не перебить. Да и Тау не дадут – они же гражданских за своих уже считают.

Вернуться? Тогда уж проще самому на себя руки наложить – если убитый Тау и не «всплывёт», что само по себе маловероятно, то меня – за нарушение слова и приказа, в такую дыру законопатят, что и думать о подобном не хочется. Там, на каком-то астероиде, я сам повешусь, ну или, без скафандра, прогуляться выйду. Хотя могут и на планету Смерти отправить – местные формы жизни, на таких мирах, ох как любят человечинкой полакомиться.

А значит, тряхнув головой отгоняю неприятные мысли, мне путь один. На стадион.

Приказа исполнения ради.

Да и кто его знает, что там внутри – хоть такая вероятность мала, но вдруг там наши под прицепами стволов сидят? И тогда я, высвободив их из-под пяты захватчиков, спасу.

А объявив над ними протекторат Инквизиториума – такие полномочия у меня есть, вполне смогу эвакуировать хоть кого-то с планеты, сделав людей неподвластными приказам Лорда. Понятно, что во второй раз это не прокатит – но хоть кого-то смогу? И так же понятно, что меня, после такого трюка, вышибут отсюда моментально, присовокупив, для скорости, дружный пинок высоких ступней. Это я о Примархе и Лорде. Об обоих, лордах.

Угу.

И, как следствие – конец моей карьере. Буду до смерти накладные в архиве перебирать.

Плевать. Зато душу и совесть не запятнаю.

Решено.

Так и поступлю.

Приняв решение и решив не тратить силы на молитвы – и так ясно, что Лик Его не сюда смотрит, отлипаю от стены и, перешагнув через убитого, осторожно выглядываю из-за угла.

Да. Шоров был прав – громаду стадиона, доминирующую над строениями, не заметить сложно.

И так же сложно не заметить пристройку входа – ту самую, небольшую полусферу, что высвечивал на плане мой сервитор.

И уж совершенно, решительно и прочая-прочая-прочая – невозможно не различить две огромные металлические фигуры, стоящие перед входом в пристройку.

Запись номер МХХР-24-ССВА-034

Боевой костюм «Кризис», в памяти тут же начали всплывать знания, вдолбленные в голову на долгих и, надо признать, весьма интересных лекциях, которые нам читал брат-инквизитор Собеус, отвечавший в училище за ксенотехнику.

Передо мной, словно наяву появился лекционный зал с проектором, над которым висела объёмная модель боевого облачения Тау.

– Экипаж – один воин касты Огня. Ветеран! – Собеус, многозначительно поднимает вверх указку чёрного дерева: – Прошедший не одну компанию. Учтите это! Бронирование – отличное, вполне на уровне силовой брони Боевых Братьев. Вооружение – разнообразное. По сути, – указка очерчивает дугу около одной из рук, где над трёхпалым манипулятором виден цилиндрический корпус чужого оружия: – По сути, «Кризис», есть модульная платформа, вооружение которой устанавливает сам пилот. Плазма, аналог нашей мульти-мельты, огнемёты, ракетные установки, пулемёты – синекожие, надо отдать им должное, весьма творчески подошли к теме убийства ближних, что, – он делает паузу и внимательно смотрит на нас – курсантов, дремлющих над своими конспектами: – Что лишний раз наглядно демонстрирует ложную сущность их породы. Вдумайтесь! – Резкий окрик лектора заставляет даже самых сонных широко открыть слипающиеся глаза: – Декларируя тезисы так называемого «Всеобщего Добра», или такого же, всеобщего «Блага», сия раса наизобретала горы устройств для смертоубийства! Ложь – налицо! – Его указка торжествующе рубит воздух, уподобляясь мечу: – Запомните, курсанты! Вдолбите в свои тупые головы! Все чужаки – враги! Такова их природа – полная греха лжи. А ложь всегда идёт рука об руку с тьмой Хаоса! Помните об этом! Не лгите, сберегая свои сердца и души от Тьмы! Говорите открыто, чистой правдой посрамляя замыслы иных и разрушая их намерения.

Стоявшие по сторонам от входа Кризисы пошевелились и видение юности пропало, растворившись в поднятой прибывающим аппаратом, пыли.

Эту машину я узнал сразу – пехотный транспорт Тау. Неплохо бронированный корпус, две мощных турбины у кормы, позволявшие ему летать и вместительное чрево, где мог разместиться отряд воинов, числом до дюжины.

Интересно...

Подобно тому незадачливому солдату, чей труп сейчас лежал за моей спиной, опускаюсь на одно колено. Интересно – это они подкрепление пригнали, или...

Или.

В круглом проёме откинувшегося бортового люка появляется закутанная в свободные одежды фигура.

Этериал!

Интересно – это тот самый, что с флагмана речь держал?

Оптика позволяет мне в деталях рассмотреть его бледно синее, плоское и безгубое лицо, но дать утвердительный ответ – тот это чужак, или нет – не могу. Для меня они все на одно лицо.

Фигура, меж тем, сойдя на землю по откинутому люку, подходит к Кризисам и, прижав к груди руки с зажатыми в кулаках какими-то палочками, или жезлами, кланяется.

Ответный жест машин – руки с оружием скрещиваются перед грудью, и Этериал шагает внутрь пристройки, исчезая из вида.

Так.

Здесь мне не пройти. Шлёпнут. Едва я на открытом месте появлюсь. Или нет? Всё же – концепция Добра? Убрать молот за спину, руки на виду держать и вперёд, распевая псалмы

о мудрости Его? Метров на двадцать подберусь, а там – прыжок и, сразу, по приземлении, молотом одному – хрясть! Разворот и второму!

Хех.

Геройская картинка прорыва развеяло появление третьего Кризиса, вышедшего откуда-то из-за здания. М-да... Три – не вариант. Да и не будут они мои псалмы слушать. Вот я бы – стал?

Представляю себе картину как ко мне, стоящему на посту, направляется Этериал, громко проповедующий о догматах «Всеобщего Блага». Ага... Проповедничек.

С двух рук, из обоих болт-пистолетов, очередями!

Щёлк!

Смена опустевших магазинов и новые очереди рвут окровавленную кучу тряпья, бывшую только что чужаком. Только так! Ещё и гранату бы закинул – для верности. Ибо нет истины иной, кроме той, что от Него исходит.

М-да. В лоб, с песнопениями – не вариант.

Попробовать другой вход? Не думаю, что там никого нет, да и часового скоро хватятся. А мне, по понятным причинам, в этот момент лучше подальше от тела оказаться.

Вариант один – отступив на несколько шагов разглядываю строение. Ещё несколько шагов назад, короткий разбег, прыжок и турбинка, закреплённая на моей спине, возносит меня на плоскую крышу, откуда открывается прекрасный обзор и на Кризисы, замершие у входа, и не небольшой отряд пехоты Тау, выходящий из-за края стадиона.

Успел! Здесь меня искать только в самом последнем случае будут.

Запись номер МХХР-24-ССВА-035

Здания, построение которых с земли выглядело как узкий лабиринт, при взгляде сверху являли совсем иную картину.

По мере приближения к центру – к стадиону, промежутки меж ними становились всё шире, так что, когда я запрыгнул на крышу крайнего, то от стены стадиона меня отделяло почти полтора десятка метров.

– Ну да ничего, – подбодряя себя, отступаю к дальнему краю крыши для доброго разбега: – Сейчас, ка-ак разбегусь! Как прыгну! Справлюсь! Сам, слышишь? – Поднимаю лицо к утреннему, почти безоблачному небу: – Сам! Без милостей Твоих, раз ты столь капризен!

О том, что меня может ждать там, на крыше, скрытой от меня декоративным бортиком, стараюсь не думать.

Хотя... Зачем врать?

Мои мысли, вступают в жаркий спор, гадая о том, что там может быть.

– Засада? И стоит мне очутиться наверху, как десятки стволов мигом нашинкуют меня своими зарядами?

– Нет... Бред. Были бы там воины – уже бы расстреляли – времени на это у них, пока я по крышам скакал, предостаточно было.

– Там могут быть дроны, – настаивает другая, отливающая металлом мысль: – Тау их во множестве применяют. А что раньше не стреляли – так может им только крышу стадиона охранять сказали. Они же тупые.

– Ага, – немедленно принимается возражать третья, лучащаяся уверенностью: – И тупые и косые. Не попадут – увернётся!

– Хватит – Прерываю сам себя я, но последняя, самая гадкая мыслишка, успевает ехидно пропищать, скрываясь в глубинах сознания:

– А ты не забыл, а, инквизитор? Голоса в голове – первый признак одержимости?

Не отвечаю, да и глупо это – самому себе отвечать.

Разбег.

Шаг, второй, третий – вот уже и край!

Какая короткая крыша!

Толчок!

Ожившая турбина наполняет меня мелкой дрожью. Она басовито ворчит, и, напрягая все силы, возносит меня по пологой дуге к бордюрчику, ставшим в этот миг олицетворением всех человеческих желаний.

– А, наверное, со стороны, это красиво, – проскальзывает очередная мыслишка: – Раннее утро, чистейшее небо и по нему, оставляя огненный след, несётся сгусток веры в сверкающей броне.

Турбинка смолкает, отработав весь заряд накопителей и я, взлетев над столь желанной крышей, начинаю своё падение.

Крыша пуста – это я успеваю заметить, прежде чем моё тело, подчиняясь законам мироздания, ударяется о чёрную, словно покрытую слоем резины, поверхность.

Короткий отскок и меня закручивает словно на льду. Вот только не бывает лёд таким пружинящим и тёмным.

Остановка.

Сажусь, упираясь руками в покрытие.

– Сверкающий сгусток веры? – Хмыкаю, косясь на пропаханную при падении, посадкой это назвать сложно, борозду.

– Ха! Как по мне, то шлёпнулся я, как... Как мешок картошки, сброшенный с грузовика нерадивым огрином.

Куда идти становится понятно сразу – у стены, метрах в полста от себя, обнаруживаю небольшую будочку. Её дверь не в силах сдержать даже лёгкий пинок, и она немедленно слетает с петель, открывая лестницу, ведущую вниз.

Несколько пролётов и я оказываюсь на небольшой площадке, с которой открывается вид на внутреннюю часть стадиона.

М-да. Я о нескольких сотнях говорил? Тех, кто здесь нашли укрытие?

Забудьте!

Всё внутри заставлено палатками. Непривычная форма – они похожи на толстоногие грибы, окрашенные в яркие, излишне радостные для нынешней ситуации, цвета. И всё это говорит, нет – кричит об их чуждом происхождении.

Меж палаток снуют люди и я, улёгшись на живот, начинаю вести наблюдение.

Вот девочка, играющая со скакалкой – весёлый и непосредственный символ детства. За ней наблюдает женщина средних лет. Её рука висит на перевязи и она, не сводя взгляда с ребёнка, то и дело гладит её целой рукой.

Мужчина в возрасте. Почти старик. Бредёт меж палаток то и дело прикивая к кружке-термосу. Пьёт и морщится. Лекарство? Возможно.

Его обгоняет молодой мужчина на костылях. Одна нога поджата и покрыта чем-то белым. Бинты? Что-то в его образе не так, и я прищуриваюсь, заставляя оптику приблизить заинтересовавший меня объект.

Чёрные, спортивного вида, брюки с белыми лампасами в две полосы. Зелёная, оливкового цвета рубашка навывпуск. На рукаве и плечах тёмные пятна. Ранения? И как странно ему прилетело...

Стоп!

Словно пелена спадает с моих глаз, когда я понимаю, во что именно он одет.

Форменная рубашка гвардейца. Самая типовая, повсеместно распространённая и такая неузнаваемая от тёмных пятен на месте споротых шевронов и погон.

Дезертир!

Холодное, полное ярости, пламя вспыхивает во мне, выжигая прочие чувства.

Предатель! Клятвопреступник!

Как мог ты предать? Пусть не Его – тот суд тебя всяко настигнет! Как мог предать ты человечество, вскормившее тебя?!

Покачать! Немедленно и показательно!

Прежде чем подняться, успеваю заметить ещё с десятков таких же, разномастно одетых фигур. Кто-то, как и этот дезертир, имеют лишь рубашу, у других от формы только брюки, ещё на ком-то глаз выхватывает форменные сапоги, ремень, но всех их объединяет одно – все эти недобитки движутся к одной цели – к большому белому шатру, стоящему в отдалении от жилых палаток.

Мед центр? А они на перевязку спешат? Ну да я облегчу их страдания!

Новое движение привлекает меня, и я перевожу взгляд, следя за движением людей.

Место, куда они спешат и обращают взгляды заставляет меня сжать кулаки. Там, на небольшом возвышении, стоит Этериал. Его руки, в которых зажаты короткие жезлы, гостеприимно раскинуты, а на безгубом лице кривится отвратительной, нечеловеческой ухмылкой, тёмная щель рта.

Проповедь?

Здесь?

Среди граждан Империи?!

Не позволю!

Мощный прыжок отправляет меня вниз и через пару секунд мой молот уже целит ему в грудь.

Запись номер МХХР-24-ССВА-036

Этериал неподвижен.

Он замер так, как умеют только рептилии, выжидая пролетающую мимо добычу. Шевелится только щель рта – она ширится, отвратительная ухмылка становится шире и до меня доносятся его слова.

– Мы рады видеть тебя, слуга Золотого Бога. С первого дня нашего пути сюда, с часа, когда нас настиг зов твоих соотечественников, желающих приобщиться к «Великому Благу», мы ожидали этого.

Зов?

Так они не сами прилетели? – Внезапная догадка обжигает моё сознание, расставляя всё по своим местам. Так, значит, правы были и Примарх, и Лорды.

Сей мятеж детей Империиума был со стороны раздут. Так бы тлел он и тлел, выплёскиваясь в петиции и сетевой вой, но нашлись некто, бросившие зов чужакам. А те и воспользовались, раздув мерцающие угли недовольства в пожар мятежа.

– Прошу тебя, – статуя оживает, руки, прежде сложенные на груди, расходятся в стороны и жезлы, прежде зажатые в кулаках, взлетают над Этериалом, где и зависают, скрестив свои тела.

Толпа за моей спиной сдавленно охает, увидев чудо, но мои губы под шлемом кривит призрачная усмешка.

Чудо?

Угу. Как же!

Игры с силовыми полями, или гравитацией. Я сам не хуже могу – мой грав-ган тому свидетель. Он тоже чудеса делает и, клянусь Подножием Трона, не менее зрелищные!

– Прошу тебя, – трехпалая рука описывает короткую дугу, указывая на место подле чужака:

– Пройди сюда и мы поговорим о «Великом Благе». Нам есть, что...

– Поговорим? Ты, чужак, смеешь, – крохотные динамики, спрятанные за глазницами черепов, украшающих литеры «I» на моих наплечниках, оживают, разносятся слова почти по всему стадиону. Толпа за моей спиной сдавленно охает, заработав акустический удар и по мне показывается тёплая волна удовлетворения.

Ага, мятежники!

Проняло вас? Так знайте, мы, скромные слуги Его, тоже «чудеса» организовывать умеем.

– Ты смеешь здесь проповедовать свою ересь?! – Грохочет мой голос, заполняя всё немалое помещение: – Ты, прибывший из чёрных далей космоса, хочешь совратить чад человеческих, веру Золотому Трону, хранящих? Ошиб...

– Да пошёл ты! – Раздаётся вопль-взвизг у меня за спиной: – И ты, служка, и труп на троне!

Что? Поношение Императора?!

Разворачиваюсь одним рывком, приподнимая молот – против меня стоит дородная тетка, относящаяся к тому виду разумных, что лично я классифицирую как «торговикус базарикус вульгарис». Уперев руки в бока она бурами меня взглядом, чьей мощности бы вполне хватило на испепеление среднего фрегата. Да – окидываю её взглядом, таких бы сотни три, а лучше с тысячу. Собрать – и к Тау. Синемордые сами себе экстерминатус устроят – дай только таким торговкам обжиться в их среде.

– Как смеешь, ты, имя Его, – начинаю я, но умолкаю, становясь свидетелем настоящего, естественного и не техногенного чуда.

– ЕГОООО? – Торговка взвизгивает так, что её вопль мигом перекрывает мощь моих динамиков и внешние микрофоны, посчитав, что при таких погодных условиях проповеди невозможны, отключает их.

– Вот где я, его, видала! – её рука тянется к юбке и край одеяния, на пошив которого ушло столько же ткани, как и на чехол Банеблейда – сверх тяжёлого танка, край одеяния начинает ползти вверх.

– Имя Его священо! И ты, грешница, – молот взлетает вверх: – Да наказана будешь!

Моё оружие начинает свой бег, спеша расплескать тело еретички кровавой пылью, но стоит молоту чуть сдвинуться, как он замирает, словно упершись в стену.

Бросаю взгляд вверх.

Этериал?!

Тонкая тростинка копья, встав на пути правосудия, остановила бег моего долга.

– Как смеешь ты?! – Рычу я, разворачиваясь к нему: – Ты, чужак, кото...

– Здесь душно, почтенный слуга Золотого Бога, – убрав копьё он коротко кланяется: – Сними шлем, так легче будет.

Душно?

Да.

Замечаю, что по моему лицу катятся, садня глаза, крупные капли пота.

Душно? И что с того? И хуже бывало. Перетерплю.

Но мои руки думают совсем по-другому. И не только думают – действуют. Отставив молот, они мигом раскрывают замки, те самые, непокорные моим пальцам прежде, и железный горшок глухо звякает об пол, откатываясь куда-то в сторону.

Прежде чем Этериал, довольно кивнув, продолжает, успеваю услышать детский голосок:

– Мама? А дядя выкинул? Можно я возьму? Суп куклами не в чем варить.

Суп?! В моём шлеме?! Броне инквизитора – куклам?!

Да что за демоны здесь обитают?!

– Мама? – Продолжает пищать тонкий голосок: – А дяде плохо? Что он красный такой?

Плохо?! Запрокинув голову, я хохочу.

Да! Плохо! Сейчас вам будет очень плохо!

– Этериал! – Направляю палец на синемордого: – Сии грешники виновны! И хоть это тебя, чужеродного, это и не касается, я скажу! В оскорблении Императора вина их! И кара за то – смерть!

– Разве могут слова смертного оскорбить Бога? – На плоской морде рептилии проступает нечто вроде удивления: – Что Богу, если он настоящий Бог, шепот смертных и кратко живущих?

Так. Вот он и себе приговор подписал – сомневаться в Божественности Его?!

Смерть!

Моя рука нашаривает рукоять молота.

– Оскорбив Его, они, и ты тоже, оскорбили меня! Вы все виновны! – Молот, словно пушинка, взлетает вверх: – Сим я, Инквизитор Империи Человечества, приговариваю всех к смерти!

– Мы в твоей власти, – он протягивает ко мне пустые ладони: – Великое Благо оказать услугу ближнему своему, не требуя ничего взамен. Но ты напряжён. Расслабься, слуга Золотого Бога.

Над пустыми ладонями возникает собранный из сотен, если не тысяч, белых пылинок, шар. Голова Этериала чуть наклоняется к нему, он дует на блестящую сферу и та, немедленно взрывается, оставив после себя с десяток крошечных торнадо. Ещё миг и их изгибающиеся тела закручивают свой танец вокруг моей головы.

Как тяжёл молот...

Перехватываю его двумя руками, примериваюсь – синемордого надо одним ударом валить и всё вокруг скрывается во тьме.

Кажется, я падаю, или лечу куда-то. Кто-то придерживает меня за плечи, что-то щёлкает – звуки похожи на замки брони, ещё немного и я, чувствуя освобождение от тесной скорлупы доспехов, погружаюсь в тёплую воду невесомости, баюкающую меня на своих ладонях.

Спи. Отдыхай.

Кто это говорит – не знаю, да и не важно.

Сон. Отдых. Небытие...

(КОНЕЦ СОХРАНЕННОГО УЧАСТКА 3 – планета Гаррас Семь)

(НАЧАЛО СОХРАНЕННОГО УЧАСТКА 4 – борт корабля Этериала. Классификация Империиума – «Посланник». Пространственное расположение неизвестно)

Запись номер МХХР-24-ССВА-037

Пробуждение было резким как удар ножа.

Раз – и ты понимаешь, что всё. Тело пробивает холодом и всё то, что было прежде, отсечено.

Так было и у меня. Короткая судорога боли и в мои распахнутые глаза вливается мутный свет. Я вишу в каком-то мягком и податливом составе.

Как в варенье, – проскакивает неожиданная мысль и я ей радуюсь, понимая, что жив и могу мыслить. А пошевелиться? Руки и ноги послушно подчиняются командам, пусть и с трудом, но преодолевая сопротивление вязкой среды.

Хорошо.

На лице – прозрачный колпак, отделяющий меня от этого... геля? Варенья? Масла? Субстанция жирная, это я определяю по тому, как скользят мои пальцы касаясь друг друга. Попробовать выплыть наверх? А где он, этот верх? Тяжести нет. Как определить, где верх, где низ?

Спокойно. Не бояться. Страх убивает. Страх равен смерти и всегда идёт перед ней. Надо пропустить его, позволить пройти сквозь себя и тогда смерть отступит, встретив...

Нет. Привычная, прочно вдолбленная в голову литания, не приносит былого облегчения.

По сковывавшей меня массе проходит дрожь и гель начинает распадаться, превращаясь в воду. Секунда и тёплый поток подхватывает меня неся в своём лоне.

Куда?

Безразлично. Его тёплые струи приятно гладят тело, отбивая всякое желание думать.

Да и зачем? Хорошо же.

Что-то упирается мне в спину и поток пропадает, оставив меня лежащим на широком овале непонятного, но мягко-упругого материала.

Влажный «чмок» и колпак маски отлепляется от моего лица. Выпростав прямо из прозрачного тела множество словно студенистых ножек он отползает к краю овального ложа, да, пусть будет ложе, и пропадает из виду.

Ложе.

Подобрав ярлык к предмету, на котором я лежу, чувствую облегчение. Успех следует развить, и я обвожу взглядом пространство вокруг.

Комната.

Невысокая, но какая-то округлая – моим глазам не за что зацепиться, и они скользят по равномерно и одинаково светлым, словно освещённым изнутри стенам, переходящим в потолок и пол.

Комната. Странная, но ничего особенного.

Страх, поняв, что добыча исчезает, бросается в атаку.

Ты заперт! Тут нет дверей! Сейчас свет погаснет и из стен полезут... Кто именно полезет – нашептать ему не удаётся. Одну из стен рассекает более светлая полоса и в проёме показывается, тощая синяя фигура в свободных одеждах.

– Эт... Этериал? – Пытаюсь сесть, но руки скользят, и я трепыхаюсь на ложе, словно опрокинутый на спину жук. Горло начинает саднить от обилия шипящих звуков, покидающих мой рот, и я осознаю, что говорю не на привычном мне общеимперском.

– Этериал? – Синелиций кривит свой безгубый рот в подобии усмешки: – Нет. Я из касты Воды. Я переговорщик, и, что сейчас первично, целитель.

Перед ним возникает прозрачный, бледно зелёный экран и он начинает рассматривать что-то невидимое мне.

– За связки не беспокойтесь, – отрывает он тёмные глаза от экрана: – Они привыкнут к звукам языка Добра. Вы выучили его пока спали.

– Я? Вы... – Кашель прерывает меня, и я принимаюсь массировать горло: – Вы копались в моей голове?

– Нет. – Врач, вполне по-человечески, пожимает плечами: – Зачем? – Его взгляд возвращается на экран: – Мы сняли мышечное напряжение, убрали стресс и перегрузку нервной системы, очистили организм от токсинов.

– Что? – Перекатившись к краю ложа, сажусь, свесив вниз ноги: – Осуждённый на смерть должен предстать перед палачом здоровым?

– На смерть? – Его глаза нацеливаются на меня: – Я не в курсе. Этериал, – его голова склоняется в почтительном поклоне: – Попросил вас подлечить, что я с радостью и проделал. Не думаю, чтобы он так заботился о вас, будь вы приговорены. Он мудр и ничего не делает зря.

– Я его увижу?

– Да. Как он пожелает. Пойдёмте, – Тау показывает рукой на начавшую наливаться светом щель: – Я провожу вас в вашу каюту.

– погоди, – спрыгиваю на пол и встаю, прикрыв срам руками: – Мне что? Вот так идти?

– А что не так? Температура комфортная, особой – вашей расы, на борту нет, а для нас вы интереса не представляете. Я про интимную часть. У вас же та принято говорить?

– Хоть полотенце дай! Я – так, не пойду. Или – мою верни.

– Ваше снаряжение передано на склад, – его рука выводит в воздухе небольшую дугу, неверное, мне так хочется думать, отображающую сожаление.

– Наши одежды вам не подойдут.

Тут он прав – из меня можно двух тау сделать.

– Я уже заказал вам новую одежду, – убрав руку от экрана врач переводит взгляд на меня: – Каста Земли искусна и всё будет готово очень скоро. А пока, – экран пропадает, и его рука повторяет предыдущий жест: – Придётся так идти. Прошу следовать за мной, – показав мне спину он шагает в светлую щель, не оставляя мне выбора.

Ладно, синемордые!

Это – отдельным должком на вас висеть будет!

Сочтёмся, дайте только время!

Запись номер МХХР-24-ССВА-038

В чём он не соврал, так это в том, что работала каста Земли, действительно быстро. В каюте, не спрашивайте, как мне дался путь до неё – не отвечу, меня уже ждало «одеяние». Именно так – в кавычках, ибо назвать то, что лежало на кровати, одеждой, хоть и было, но вот натягивать это на себя у меня желания не было.

Судите сами.

Широкие, короткие – до середины лодыжки, штаны пронзительного оранжевого цвета. Сандалии, выполненные из выглядящего как полированный, металл, мягкого материала и ярко зелёная футболка. Меня аж передёрнуло, когда я представил всё это на себе.

М-да... Попугай с тропической планеты просто удивится от зависти...

– И мне что? – держа одежду в руках, поворачиваюсь к врачу: – В этом?! К Этериалу?!

– А что такого? – На синем лице проступают очертания гримасы непонимания: – Материал хороший. Цвета подобраны верно. Что не так?

– Верно подобраны? Да это бред просто!

– Ну почему же? – В его голосе сквозит обида: – Вы же воин? Вот и нижняя часть вашей одежды – цвета огня. Как воину и положено. Верх – цвета вашей формы, той самой, наиболее распространённой.

– А это? – Протягиваю к несущим сандалии: – Простых ботинок нет что ли?

– Отделка под металл показывает, что ваша раса стоит на техногенном пути развития. А что не ботинки – зачем они на корабле? Одевайтесь, – рука чертит в воздухе косую черту, наверное, обозначая решимость или непреклонность принятого решения: – Пока мы шли, я получил сообщение – Этериал ждёт вас в Зале Размышлений.

От той, самой первой комнаты, где я очнулся, плавая в лечебном геле, Зал Размышлений отличался только двумя факторами. Размерами – он был крупнее в несколько раз, и, что более важно, целой толпой Этериалов, разместившихся в своих креслах широким полукругом на небольшом возвышении по центру.

То, что это именно Этериалы было видно по целому лесу копий, или шестов, целящих свои замысловатые острия в светлый потолок.

– Человек! – Тот, что сидел на самом крупном троне, коснулся своего оружия и лёгкий шум, родившийся при моём появлении, немедленно стих:

– Ты знаешь, где ты находишься?

– В галактике Млечный Путь, – отвечаю ему, усаживаясь на пол и скрещивая ноги: – Той самой, что принадлежит нам – Империи Людей!

Да, я нагл.

Да, я нахожусь во враждебном окружении... Но что мне терять? Приговор, наверняка, вынесен и всё, что мне остаётся, так это умереть, сохраняя достоинство.

Поднявшийся шум стихает, когда главный вновь касается шеста.

– Твой ответ показывает нам, что разум твой не пострадал.

Молчу.

– Причина, по которой ты пребываешь перед нами. Она тебе ясна?

– Мне не ясно, – чуть откидываясь назад, опираясь на руки: – По какому праву вы захватили гражданина Империи и на каком основании удерживаете меня на борту своего корабля? Я вижу в этом акт агрессии против всего человечества!

Хм... Как-то излишне громко получилось... Ну да ничего – пусть жрут, морды синие!

– Разве не ты проявил агрессию первым, убив нашего воина? – Этериал откидывается на спинку трона: – И угрожал нашему представителю на планете, собравшись прервать его жизнь?

– Воина? Это была самозащита! Его оружие было нацелено на меня! А что угрожал – так не убил же.

– Самозащита? Небрежение убитого против ярости напавшего? Ты же видел, что он не мог двигаться?

– Его проблемы, – пожимаю плечами: – Не направил бы ствол – был бы жив.

– Его, – неожиданно легко соглашается со мной синий: – Он не уделил должного внимания системам подогрева брони и поплатился за это. Но, он делает паузу: – Убийство произошло. И случилось оно против обещаний ваших правителей, продекларировавших свои мирные намерения.

– За свои ошибки я перед ними сам отвечу!

– Уже нет, – трёхпалая ладонь смыкается на древке: – Ваши иерархи, ценя мир между нами, передали тебя нам.

– Что?! Не верю! – Вскочив на ноги, хочу броситься на лжеца, но появившиеся словно ниоткуда плоские круглые дроны, оттесняют меня назад.

– И вот наше решение, – поднявшийся на ноги Этериал выдёргивает из держателей своё копьё: – Ты, человек, бывший в прошлом гражданином Империиума, – копьё, блестя широким наконечником, нацеливается на меня: – Пролил кровь воина касты Огня. Ты тоже воин и это ремесло знаешь хорошо. – Новый взмах, наконечник чертит в воздухе сверкающую восьмёрку: – Ты займёшь его место и будешь честно служить Великому Благу, встав в один ряд с нашими воинами. И да будет так! – Копьё взмывает к потолку и остальные Этериалы спешат повторить его жест, подтверждая согласие с приговором.

Запись номер МХХР-24-ССВА-039

Дроны выталкивают меня из зала прежде, чем смысл услышанного достигает моего сознания.

В воины? Меня? Молча смотрю на гаснущую полосу там, где только что был проход. И как надолго?

– Эй?! – Бью кулаком в стену, но желаемого – открытия прохода, ожидаемо не случается.

– Что-то не так? – Слышится за спиной, и я разворачиваюсь на голос.

Врач. Его я узнаю не по лицу – синие, по-прежнему мне на одно лицо, но вот символы на его одежде я запомнил. Да и сложно не запомнить – на самом верху его робы красуются две загогулины, похожие на букву «г».

– Я слышал, что приговор очень мягкий, – продолжает он и взяв меня под руку, ведёт по коридору.

– В солдаты, – выдёргиваю руку.

– И что? Это же ваше ремесло. Привычная работа, новая обстановка – чем вы недовольны? Да и служить вам с воинами касты Огня, а не среди ваших бывших соотечественников, многие из которых могли бы отнестись к вам враждебно.

– Сколько?

– Что сколько?

– Служить сколько? Срок не объявили.

– Каста Огня посвящает своему труду всю жизнь без остатка.

– Чего?! Это меня что – на пожизненное осудили?!

– Это великая честь – стать воином касты Огня. Вы должны ценить решение Этериалов, – в его голосе проступает толика осуждения: – Прежде ни один из чужак...простите, из иных рас, не удостоивался подобного.

– Готов уступить, – приваливаюсь плечом к налитой светом вогнутой стене: – А, док? Солдатиком стать нет желания?

– Моя каста – каста Воды, – следует уже знакомый жест сожаления: – И сменить её я не могу. Таков закон. Пойдёмте.

Участок стены, ничем не отличающийся от соседних, начинает наливаться светом, и врач кивает на расширяющийся проход: – До конца полёта вам предписано Советом быть здесь. Еду вам доставят дроны. Всё прочее, обеспечивающее необходимый уровень комфорта – внутри. Как целитель – советую вам выспаться – по прибытию на Виор-Ла, времени на отдых у вас будет мало.

– Спасибо за заботу, док, – по арестански заложив руки за спину шагаю внутрь.

– Да не за что, – доносится мне в спину, прежде чем проход закрывается: – И не переживайте, человек, всё для вашего блага делается.

(КОНЕЦ СОХРАНЕННОГО УЧАСТКА 4 – борт корабля Этериала. Классификация Имперiums – «Посланник». Пространственное расположение неизвестно)

(НАЧАЛО СОХРАНЕННОГО УЧАСТКА 5 – планета Виор-Ла. Территория доминиона Тау)

Запись номер MXXP-24-ССВА-040

Учебный лагерь Монт-Ка, названный так в честь Основной Боевой Доктрины Тау, мало чем отличался от наших, человеческих учебок.

Плац, ряды барakov-казарм, полосы препятствий, стрельбище, ещё одно, более техногенно продвинутое стрельбище, учебные классы и... И ещё одно. Ага, оно самое – стрельбище.

Рукопашки же мы ой как не любим, да?

В общем ничего нового, если не углубляться в детали – в те самые, мелкие и незначительные, но столь любимые тёмными силами, так и смотрящими, как бы напакостить.

Так вот. Здесь таких деталей хватало.

Ну, во-первых, здания. Они все были выстроены в строгом соответствии с архитектурными традициями Тау. То бишь – никаких углов. Всё здесь было изогнутое да округлое, причём настолько, что первые дни я реально бесился, не встречая взглядом ничего привычно прямоугольного и квадратного.

Во-вторых, казармы. Та их часть, что внутри. Здесь, в отличие от привычного, как мне, так и всем служивших, общего пространства, заставленного койками, царил дух индивидуализма. Оба этажа были разделены на множество округлых гнёзд-капсул, позволявших курсантам хоть ненадолго, но уединиться, отгородившись от мира хлипкой, но хоть какой-то, преградой.

Были ещё и «в-третьих», и «в-четвёртых», но рамки моих заметок разрастутся сверх всякой меры, реши я подробно на всём этом, остановиться.

Если прежде я говорил о различиях, то сейчас хочу сказать слово и в защиту сходств. Да, было здесь и такое, хотя мне кажется, что сержанты, именуемые здесь Шас-вре, относятся к явлениям, перед которыми бессильны сами Древние, давшие толчок зарождению жизни в галактике.

Да, я считаю именно так – сержант, будь его кожа хоть синей, хоть зелёной, хоть нормально-нашей, это отдельная раса. И без разницы, сколько пальцев скрывает в себе кулак, поднесённый к носу нерадивого бойца – приговор будет один – «три наряда!».

И наплевать, что лежит в основе местной математики – пять, или три – нарядов будет ровно столько, или, если вы особо расстараетесь, то ровно вдвое больше.

В общем, местные Шас-вре, за глаза, прозванные мной «Ща врежу», были точными копиями своих человеческих, и подозреваю, иных, визави.

Ещё одним моментом, возмущавшим не только моё спокойствие, но и спокойствие всего лагеря был... Я.

Да-да, именно так. Персона автора сего скорбного повествования оказалась окружена таким скопищем слухов и легенд, что когда синемордые моей секции делились ими со мной, я не знал – плакать мне, или хохотать во весь голос.

И, прежде всего, это касалось моего прошлого, то есть всего того, что произошло до встречи с Этералом на Гаррасе Семь. Так, мне рассказали, почтительно приглушая голос, что служил я в Самом Страшном Отряде человеческих Этериалов. И задача моя была следить за исполнением правил, что наши Этериалы, устанавливали. А так как люди дики, и, в силу горячей крови, импульсивны, то нарушали они эти законы постоянно.

В общем, шесть-девять трупов в день – нормально. Три и меньше – самого спросят – а достойно ли ты служишь, воин-брат?

Ну и рассказов о «подвигах» моих тоже ходило предостаточно.

Отдельной темой шло повествование о моём пленении и о том, как Совет Этериалов меня раскаяться заставил. Если, слушая вторую часть я молчал в тряпочку – за неуважение Этериала здесь кончали на месте, то вот над первой частью я ржал во весь голос.

Ещё бы!

Послушать их, так я, впад в боевое безумие, сам-лично вырезал несколько кораблей, экипажи которых были недостаточно усердны в восхвалении человеческого божества. После, перейдя на планету, я принялся истреблять местных.

Угу. По той же причине.

Да так в этом преуспел, что Этериалы, те, что наши, послали зов Этериалам, тем что синие. Мол-де спасайте-помогайте. Священное безумие. Редкое и неизлечимое,

Синемордые, полные любви в ближним, откликнулись. Прибыли, начали за мной охоту – причём объединив силы с боевыми братьями. Их, братьев, я тоже того.

Угу.

Перебил. Легион, или два – тут слухи расходились. Убил и нескольких воинов огня, наслав на них холод.

Как наслал? Чем?

Ну... Это не ко мне вопрос. Наслал, заморозил, и на части, голыми руками, разорвал. Точка. Продолжаем с новой строки.

Этериала, того, что синемордый, это расстроило, да так, что он, отложив все дела, самолично на планету спустился. За мной, разумеется.

И прежде всего, он меня моей ледяной способности лишил. Как? Вопрос не по адресу. Синего Этериала встретите – спросите, авось расскажет.

Ну а как я замораживать всё вокруг перестал, то мы в рукопашную сошлись. Он – с копьём своим, я с куском скалы, к стволу дерева, прикрученным.

Чем прикрутил – не скажу. Да и знал бы – не сказал, такие тайны дорогого стоят.

И фехтовали мы... Долго, в общем дрались.

Тут я вынужден пояснить – фехтование здесь, есть вещь сакральная. Только Этериалы умеют, повергая зрителей в состояние шока каждым взмахом своих копий. Как по мне, то фехтуют они так себе – где-то чуть выше моих навыков, но, как вы понимаете, об этом я молчал. Святые они здесь. Вот как есть – святые, чья воля стоит намного-намного-намного всех правил и законов.

Но я отвлёкся.

Хотя и рассказывать то нечего. Дерево моё он перерубил, камешек мой, меня по головке – тюк, я – брык. Шлем-то, я раньше сбросил. Как и всю броню – священный экстаз, он такой, да.

Ну а потом, на Совете, меня три десятка дронов удерживали. А то бы я и Совет, того, оприходовал. Сексуально. Это у меня после каменюги, сдвиг образовался. Но, думаю, виной тому мой экстерьер был. Который Тау в душе общем углядели. У местных-то, ну, хозяйство, внутри спрятано и наружу только при деле вылезает. Ящеры же. А у меня – всегда на виду, снаружи, то есть. А значит – я постоянно готов к этому самому и, кхм., как следствие – озабочен. Прошу простить за такие подробности.

В общем, удержали меня дроны, а Совет – успокоил. Психику почистил, грязь от тяжёлой работы, снял. Ну а я, прозрев и успокоившись, раскаялся, и, в знак благодарности и искупления вины за убитых, выпросил себе такую службу.

Бред?

Ха! Это вы про мои интимные похождения не слышали! Хотя Тау и хладнокровные, но фантазия у них работает – мама не горюй!

О! Сигнал на построение. Сейчас на ужин пойдём.

Прерываюсь – сами знаете, у солдата мало радостей и не след пропускать их.

Запись номер МХХР-24-ССВА-041

Отче!

К Тебе, на золотом Троне восседающему, обращаюсь я. Испытания, что ты, на главу мою грешную, насылаешь, переносу я с честью, не давая...

К демонам!

Молитва не шла. Не снисходило на меня то блаженное чувство озарения и единения с чем-то великим и непостижимо прекрасным. Никак не сходило.

А я – старался. Молился на корабле, молился, уединяясь в своём закутке – но ничего не помогало. Скорее даже вредило. Ибо как иначе можно было понять происходящее? Ну, допустим, отвернул Он свой лик от меня. Что ж, бывает. Грешен я и всё такое. Но ведь кто, как не Он призывал грешников к раскаянию? А я каялся. Всем сердцем. Но – безрезультатно. Можно было подумать, что здесь, в пространстве Тау, Его власть, прежде казавшаяся мне столь же безграничной, что и наша вселенная, просто блокировалась Этериалами.

И, что самое поганое, это походило на правду.

Пропаганде верить нельзя. Это факт, с которым сложно не согласиться. Но вот слушать её, отсеивая на решете анализа наносной мусор – нужно. И тогда, когда вся лживая грязь будет унесена прочь, тогда перед вами откроются редкие блёстки правды, открывая терпеливому старателю истинное положение вещей.

Так было в Империуме, так было и здесь. Этериалы, уж не знаю, как, но блокировали все эманации, растекавшиеся по вселенной. Без разницы – были то проявления тёмных сил Хаоса, или светлые волны, исходившие от Его Престола. Не все, конечно. Помните, я говорил, что нет-нет, да и рождались дети, восприимчивые к варпу? Что-то, какие-то крохи, проходили сквозь их защиту, но то были именно крохи, капли и дымка, не имеющая сил оказать влияние на всю расу.

С одной стороны, это было хорошо – кто же против подобной защиты от Хаоса? А вот с другой, с блокированием Его сил, ситуация выглядела недобро. Не по тому, что я уж очень страдал, без единения с Ним.

Хотя события на Гаррасе Семь и подточили здание моей веры, но только подточили, не сумев покрыть фундамент сетью опасных трещин. А вот сейчас, наглядно видя торжество чужого учения над привычными догматами, моя вера начала опасно крениться. Как? Как могли синемордые, едва-едва вылупившиеся из скорлупы своей планетарной стадии, противостоять Ему, покорившему всю галактику и загнавшему Богов Хаоса вглубь Ока Ужаса? Разве может что-то противиться Его воле?

А вот, оказывается, может.

И не только противиться, но и вытаскивать граждан Империума из-под топора, воздетого, кстати, именем Его. Вызов Ему? Несомненно. Но, простите, где немедленная кара? Нет её.

А тогда... Может Он и не столь всемогущ, как вдальблывает своим гражданам пропаганда Империума? Ох...

Ересь переполняет меня и я, спеша прекратить раскачивание судёнышка моей веры на волнах сомнений, переключаю внимание на плац.

Сегодня – выпускной. Там, выстроившись идеальными треугольниками, замерли курсанты. Ещё немного и они, выдержавшие курс первичной подготовки, получают символы касты Огня – боевой шлем и наплечник с символом планеты.

Треугольники... В памяти всплывают мятежники с Гарраса. Да, сейчас я уже не сомневаюсь в том, кто приложил руки к их подготовке. Но это сейчас. Тогда я мог только удивляться увиденному.

На плацу появляются Этериалы и заняв место на острие построения, ведут отряды к столам, с шлемами и наплечниками. Да. Этериалы впереди. Ведут остальных. Так здесь принято. Не знаю почему, но именно они, в отличии от остальных синих, вызывают у меня чувство неприятия. Может потому, что именно они прервали мою связь с Ним? Возможно. Не знаю наверняка, но чувствую, что что-то здесь не так. Нечисто.

Смотреть, как Этериал передаёт курсантам броню, а те клянутся в верности, у меня желания нет и я, прикрыв глаза, пролистываю в памяти события последних месяцев.

Вот мне выдают броню, сделанную под заказ – в стандартную, даже самую крупную, я никак не помещался. Первый раз надеваю и активирую шлем, поражаясь качеству картинки и множеству подсказок, наперебой стремящихся облегчить мою жизнь.

Оружие – Шас-вре, со вздохом отбирает у меня стандартный карабин – он мне мал, да и рассчитан на три пальца, а не на пять. Пару дней ожидания и представители касты Земли, более коренастые и бледные, приносят мне ствол, переделанный под человека.

Признаюсь – это оружие я полюбил с первого взгляда. Ручной рельсомёт. Гауссовка. Электромагнитный метатель – берите любой вариант, сгодится.

Мощный приклад, полный сверх-запасливых аккумуляторов, короткие тело с блоками управления и конденсаторами и длинные, почти в два метра, рельсы-направляющие, чьи внутренние части бугрились разгонными катушками. В комплекте мне передали подсумок, полный увесистыми, грамм по сто, зарядами, внешне напоминавшими огурцы-корнишоны. Ага – маленькие, зеленоватые и с пупырышками. Зачем были нужны последние я так и не понял, несмотря на объяснения. Уж слишком заумными они были. Не для мозгов простого стрелка, хоть и бывшего когда-то инквизитором.

Впрочем, почему бывшего? С нашей службы если и уходят, то только вперёд ногами. А пока жив – тяни лямку, несмотря ни на что. Я и тянул.

Возможно, кого-то удивит, а кого-то даже покоробит моя покладистость? Мол де – ты же инквизитор? Как мог ты служить чужакам?

Отвечу. И вопрошающим, и своей совести.

А что делать?

Куда мне податься? Уж поверьте – времени, перебрать все варианты, у меня было предостаточно.

Бежать? Куда? Я в самом центре пространства Тау. Проникнуть на корабль и... И что? На какой проникнуть? Как узнать, куда он идёт? Мне, если и бежать, то на торговый мир надо. Там вольные торговцы бывают – да-да, те самые, корабль одного из которых я очищал не так давно. Ага. Во, они обрадуются, когда я к ним заявляюсь. Один. Дезертир от Империиума и Тау. Представили? Ещё вопросы есть? Думаю, нет – уверен, меня они либо сразу шлёпнут – инквизитор же, либо скрутят и передадут властям. Имперским, или Тау. В общем – такой вариант мне не нужен.

Что остаётся? Дождаться боя, где противником будут силы Империиума? Подобное развитие событий маловероятно. Но даже если и случится, то меня, пусть я и перебую толпу синемордых, помогая нашим победить, вряд ли ждут распростёртые объятия и букеты цветов. Комиссар своего шанса не упустит. Ренегат же. Против своих пошёл. К стенке. А то, что я буду орать про свою принадлежность к офиссуму Инквизиториум будет расценено как ложь, очерняющая верных слуг Его. К стенке и два...нет – три контрольных.

Оставались только два пути.

Расстрелять как можно больше тау и покончить с собой. Можно. Такой переполох устрою...ммм. Загляденье. А смысл? Кому легче будет? Вот и получается, что оставался мне

только один путь – путь воина касты Огня, с надеждой, что судьба сама вынесет куда-то, или даст шанс, позволявший вернуться в родные миры. Впрочем, особо назад меня не тянуло. Ведь что меня ждало там? Допрос и аутодафе. Либо заныкаться в щель на окраинной планете и доживать дни, трясясь от страха при виде каждого человека.

От грустных мыслей меня отвлекло массовое движение на плацу, разбившее идеально выстроенные фигуры. Хм... Это что такое могло произойти, чтобы вся церемония, считай центровая в жизни любого воина Огня, насмарку пошла. Надеваю шлем. Боевой – мне его, вместе с наплечником раньше выдали. Без церемонии – ты и так воин.

Канал общего оповещения включается, едва я защёлкиваю замки и внизу справа появляется экранчик, с которого на меня требовательно смотрит лицо Этериала. Мысленно вздыхаю, настраиваясь на длинную и пустопорожнюю поздравительную речь, но мои предчувствия не оправдываются – тон Этериала сух и деловит.

– Планета Кор-та Ла-Ла. На поверхность высадились зеленокожие. Приказываю очистить наш мир от захватчиков.

Экран гаснет, но тут же оживает, высвечивая сигнал общего сбора. Ещё секунда и на земле, начинаясь от моих ног, проявляется полоса-стрелка, указывающая направление движения.

Демоны!

А я так надеялся на вечернюю пьянку!

(КОНЕЦ СОХРАНЕННОГО УЧАСТКА 5 – планета Виор-Ла. Территория доминиона Тау)

(НАЧАЛО СОХРАНЕННОГО УЧАСТКА 6 – Территория доминиона Тау)

Запись номер МХХР-24-ССВА-041

Во имя Трона! Не понимаю – зачем Оркам понадобилась эта планета?!

Сухой, покрытый ржавой пылью кусок камня, однообразность покрытых щебнем равнин которого редко-редко нарушают кривые стволы местного подобия деревьев с иглами вместо листьев.

Жара, пыль, камень – вы только что прослушали краткую лекцию о природе Кор-та Ла-Ла.

Ископаемых – практически нет. Флора – исчезающе мала. Фауна... Ну, если считать таковой два-три вида мелких насекомых, жрущих всё тот же камень, по причине отсутствия чего-либо иного, то да, фауна есть.

Чего ради Тау его колонизировали? Понятия не имею. Но то – я, а вот Этериалам этот мир глянулся. Ну а раз воля из равно закон, то колонию здесь организовали по всей форме. И форма эта была – форпост. Крепость, иначе говоря. Со всем положенным – стенами тяжёлой брони, орудийными башнями на каждом свободном пятачке и всем прочим, необходимым для защиты.

Вот только от кого? До появления Орков здесь разве что мух местных гонять можно было. Повторюсь – Этериалы мудры. Точка. Сказали поставить крепость, а она раз – и пригодилась.

Ага. Полсотни лет простаивала, а сейчас нужной оказалась. В общем – кто я такой, с ними спорить.

Орки, хоть и были синонимами предельной тупости, но на рожон не полезли. Высадив десант, они быстро возвели цепь укреплений в трёх девятках единиц расстояния от крепости и принялись тревожить гарнизон частыми атаками. Поясню – единицей расстояния здесь считался отрезок примерно в девятьсот Имперских метров и три девятки соответствовали где-то двадцати пяти, или чуть меньше километрам привычного мне расстояния.

Поначалу в дело вступил спешно прибывший в систему флот Тау. Встретил противников и... И обделался по полной. Мощные лазеры, умные торпеды, разогнанные до безумных скоростей снаряды тяжелых рельсомётов – всё это оказалось бессильно против груд мусора, именуемых у орков кораблями.

Попадание! И от того, что зеленокожие называют кораблём, отлетает туча обломков. Ещё попадание, ещё! Ком мусора, вздрагивая, оставляя за собой густой, медленно растворяющийся в пустоте, дымный след, продолжает ползти вперёд. На него заходят тяжёлые бомбардировщики, стремясь сбросить сотни бомб, но мусорный пейзаж оживает, почти под каждой кучей оказывается турель, или пушка и к кораблям тянутся сотни трасс, скорее пугая, нежели нанося урон – стрелки из орков так же плохи, как из тау – рукопашники.

В результате, не буду затягивать свой рассказ, в пространстве системы ситуация просто зависла. Флоту Тау не хватало времени и мощи для уничтожения кораблей, а оркам... А им этого и было достаточно – вниз потянулись караваны спускаемых модулей.

Ну, модулей – это я так, польстил зелёным.

Разваливаясь на части едва отделившись от корабля, сгорая в атмосфере, разбиваясь о поверхность, силы орков сыпались на планету. Апофеозом посадки стала посадка одного из кораблей. Да, посадка, это тоже из разряда уважительных слов. Куча мусора просто рухнула вниз, успев притормозить в считанных сотнях метрах от поверхности. Ну а то, что она, после этого развалилась, так это и к лучшему – для зелёных, конечно. Обломки были быстро опри-

ходованы и вокруг корабля, ставшего их базой, возникла цепь укреплений, готовых обрушиться на любого, кто приблизится, яростный, но, к счастью неточный, шквал огня.

Вторым достоинством это расы – или первым, после умения собирать что угодно их хлама, была поразительная живучесть. Вот взять ту же посадку – нас, что людей, что тау, просто бы размазало перегрузками, а их – нет.

Помню, как на лекциях, посвящённых ксеносам, нам рассказывали о гипотезе, разумеется сугубо еретической, что орки были созданы Древними. Те, раскидывая по галактике семена жизни, хотели создать универсальных колонистов, таких, что смогут выжить в любых условиях. Хотели благое... А вышло как всегда. Ну а там и Древние сгинули, и орки расплодились. И теперь уже нам, что людям, что тау, что иным, приходится расхлёбывать последствия их экспериментов. А так как орки сильны телом, быстро плодятся и просто обожают драться, то с расхлёбыванием, зачастую, возникают проблемы.

Нашей секции, или, говоря языком касты огня – линии, позицию наметили в одной девятке от крепости. Мы должны были держать выход из ущелья, расположенного в стороне от места главных событий, происходивших на широкой равнине перед крепостью. Сюда, по мнению Этериалов, орки должны были пойти только в самом крайнем случае – ущелье сильно петляло и идти по нему, для рвущихся в бой громил, было хуже пытки. Эдак и к драке не поспеть можно. Другие-то, счастливики, напрямик пойдут, а мы?! Согласно прогнозу Этериалов любой отряд орков, отправившийся по ущелью, должен был начать внутренний конфликт, едва преодолев первую треть пути. В результате, опять же согласно их представлениям, до нас должны были дойти сильно израненные единицы, не представлявшие опасности даже таким зелёным новичкам как мы.

Три-шесть минут огневого боя и всё – победа. Лёгкая, как на стрельбище второго уровня.

Мои сослуживцы были полны самых радужных надежд и наперебой рассказывали друг другу, как они будут валить орков, и как будет здорово начать свою карьеру с благодарности Этериала. Один лишь я не разделял их веселья – сидя особняком я дремал, привалившись к стволу своего ружья и медленно, слово за словом, проговаривал литанию, отгонявшую страх.

Запись номер МХХР-24-ССВА-042

– Шас-о! – Наш сержант, Шас-вре по имени Тал-ка, махнул рукой указывая на свежерыкопанную траншею: – Занимаем позиции. Ты, – его шлем качнулся в мою сторону: – Отойдём. Я тебе отдельное место присмотрел.

Ну, присмотрел, так присмотрел. Молча следую за ним, пропустив мимо себя мальчишек, со смехом прыгающих в траншею, изогнувшуюся подковой в трёх сотнях метров от скал.

– Вот тут, – его рука хлопает по плоскому верху крупного булыжника, доходящего мне до середины груди: – Отсюда тебе выход из ущелья как на ладони будет. А если что – за камнем укроешься.

– Принято, Шас-вре. – Кладу рейл-ган на камень и устроив рядом сумку с пулями, поднимаю вверх шлем. Сержант пару секунд недвижим, но после, с явной неохотой повторяет мой жест. Поднятый шлем – это не только открытое лицо, демонстрирующее чистоту намерений, это же, в наш век систем связи, и призыв к неформальному, на равных, общению.

– Чего? – Тал-ка смотрит, не высказывая каких-либо эмоций, хоть я и знаю, что он недолюбливает меня. На последнее мне пофиг, чай он не девица, благосклонность которой мне важна. Особо не свирепствует? Так и за одно это – спасибо!

– Если что? – повторяю его слова: – Думаешь, события не по плану пойти могут?

– Этериалы не ошибаются! Или ты сомневаешься в их мудрости?

– Я – человек. Существо импульсивное и несовершенное, – ухмыльнувшись, повторяю определение своей расы из всеобщего классификатора разумных: – Мне можно. До определённой грани, разумеется.

– Рад, что ты это понимаешь, – его рука тянется к краю шлема, готовясь его надвинуть на лицо, но на миг замирает: – Предчувствие у меня, – с явным усилием признаётся он: – Нехорошее. А у тебя?

– Перед боем всегда так, – ухожу от прямого ответа: – Нервно. Но Этериалы всегда правы, а если не правы, то смотри пункт выше.

На миг он замирает, пытаясь определить нет ли в моих словах оскорбления Высших, но, спустя миг, расслабляется и быстро стерев улыбку с лица, надвигает шлем, одновременно грозя мне кулаком, и разворачиваясь прочь.

– Шас-о! – Слышу в шлеме его голос и тоже привожу шлем в боевое: – Силы противника обнаружены в двух девятках от наших позиций. Первыми работают длинные.

Молча киваю. Да, первыми пусть ружья поработают. Их дальнобойность позволит проредить зелёных едва те нос из-за скал высунут.

– Короткие – включаются по возможности.

Ну да. Автоматические карабины бьют часто – по скорострельности они не хуже наших болтеров. А по мощности – даже лучше. Вот только по дальности они раза в два проигрывают ружьям.

– Человек! – Тал-ка упорно избегает называть меня что по прозвищу-позывному, что как остальных – шас-о.

– Работает индивидуально.

Принято. Молча киваю головой – дублировать услышанные и понятые приказы здесь не принято.

– Шас-о! Две тройки минут до появления противника. Всем приготовиться!

Распахиваю сумку и принимаюсь раскладывать заряды по плоской вершине. Ну вот. Пяти огуречиков, мне, для начала, хватит. Вытаскиваю ещё один и подношу его к зарядной щели.

Щёлк!

Магнитное поле втягивает его внутрь и спустя долгие шесть секунд в моём шлеме мягко звучит сигнал.

«Пьюк!» – Рейлган к бою готов. Подходите, гости дорогие – мне есть чем вас встретить.

Оторвав голову от прицела смотрю на траншею, в которой застыло одиннадцать тел в бледно серой броне. Эххх... Мало нас. Мало, а орков – много. Они меньше чем три девятками... Чёрт! Рассуждаю как тау! Зелёные – толпами по три – четыре десятка ходят. Справимся ли?

Должны. Я должен. И не из-за Этериала – на него и на то, ради чего мы здесь стоим, мне плевать. Мне, как это не покажется странным, жалко моих ящерок. Обидно будет, если молодняк перебыют. Они и жизни-то, считай не видели.

Запись номер МХХР-24-ССВА-043

Ждать долго не приходится – минут пять и иглы редких кустов раздвигает массивная зелёная голова в покоем на котелок шлеме. Долго, почти с минуту, она ворочается, словно крохотные глазки накрепко зафиксированы в положении строго вперёд, а затем исчезает.

Ненадолго – секунд двадцать и лавина тел сметает кусты, вырываясь на свободу. Орки, похожие на лысых зелёных горилл, разгромивших хозяйственный магазин и обвешавшихся добычей, рвутся вперёд, размахивая грубыми топорами, дубинами и чем-то стрелковым.

А их много...

Оторвавшись от экрана прицела прикидываю количество врагов. Хм. Десятка два. Нет, – меняю решение, – не много. Мальчики должны справиться.

И они справляются. Мне, находящемуся за их спинами, хорошо видно, как ярко голубые вспышки расцветают на концах длинных стволов. Вчерашние курсанты бьют часто, мне кажется, что они излишне дёргают стволами, нажимая скобы спуска, но это неважно. Катящаяся на нас зелёная волна столь плотна, что пули, часто-часто посылаемые в неё, просто обречены найти цель. Ряды зеленокожих тают, но это никак не сказывается на их решимости – разекая клыкастые пасти они несутся вперёд, и я принимаю к экрану.

Надо найти Босса. Старшего в этой банде. Сниму его и остальные дрогнут.

Вожу стволом отыскивая цель, и та находится практически сразу.

Здоровенный, на голову выше остальных, орк, крутит над головой иззубренный и ржавый меч, на обломанной гарде которого ещё различим Имперский орёл.

«Пьюк!»

Плавно прожимаю скобу, удерживая кружок прицела прямо на оскаленной пасти.

Есть!

Голова Босса расплывается кровавой дымкой, тело, делает шаг, другой и валится вперёд, разбрасывая в сторону бойцов. Оставшиеся на ногах замирают, разглядывая обезглавленное тело и раз! Раз! Раз! Сразу три неподвижных мишени валятся навзничь.

Этого достаточно. Остатки отряда – шесть, или семь орков, срываются с места, спеша укрыться в расщелине. Секция бьёт им вслед, но удача улыбается только одному стрелку – некрупный орк, чью спину прикрывает кусок ржавого железа, похожий на поднос, вдруг спотыкается, вскидывает руки вверх и валится на щебень, пятная его тёмной кровью.

– Шас-о! – Раздаётся в шлеме голос сержанта: – Прекратить огонь. Первая волна отбита. Оружие – проверить. Человек. – его интонации не меняются ни на йоту: – Хороший выстрел. Стреляй так дальше и, возможно, Этериал заметит тебя.

Заметит, не заметит, мне пофиг. Орки ходят большими отрядами и те, кого ящерки сейчас положили – разведка. Смертники-залётчики, как наш штрафбат. Не более того.

Словно подтверждая мои мысли, кусты вновь приходят в движение, но сейчас сквозь них, сминая и давя хрупкие ветви, движется что-то массивное.

И – не зелёное. Ещё миг ожидания и на нас, уверенно переставляя колченогие ступоходы, выкатывается стоящий вертикально цилиндр красного цвета.

Запись номер МХХР-24-ССВА-044

Килла Кан! Лёгкий шагоход орков. Жалкое подобие дредноутов-усыпальниц, столь популярных в космодесанте. Получил увечья не совместимые с жизнью? Брат-медикус отделит твою голову и хребтину от усталого, смертельно израненного тела. Воздав должные почести ветерану и под пение священных гимнов твои останки, в которых ещё теплится жизнь, будут помещены в новое, закрытое неуязвимой бронёй тело. И ты, восстав из мёртвых, сможешь и дальше служить, неся Его Слово по галактике.

Сейчас же передо мной брела, раскачиваясь из стороны в сторону и отчаянно чадя трубами за спиной, жалкая пародия на священную усыпальницу.

Ну да ничего, – принимаю к прицелу.

Сейчас, погоди.

Из хлама ты вышел, в мусор и обратишься.

– Шас-о Инк! – голос нашего Шас-вре колеблется от волнения и он, в нарушение своих же принципов, называет меня и по званию, и по имени. Да. Я попросил, чтобы меня звали «Инк» – сокращённо от инквизитора. Почему так? Ну не хотелось мне, чтобы их безгубые рты, шипя и кривясь, произносили имя, данное мне родителями. Считайте это блажью свихнувшегося человека, если вам так легче.

– Шас-о Инк! Цель! Что это?!

Хм... Ты, ветеран и не знаешь? Впрочем... С орками тау пересекались мало. Был вроде один генерал, Фарсайт, вроде. Вот он да, много зелёных покрошил.

– Шас-вре. Говорит Шас-о Инк, – не отказывая себе в удовольствии лишний раз напомнить сержанту о своём звании и имени: – Банка Смерти. Еще это называют КиллаКан. Орочий ходун. Бронирование лёгкое, по меркам бронетехники, разумеется. Вооружение. Эмм... Да вы и сами видите – силовая клешня и циркулярка. Рукопашник, короче.

– Шас-о Инк! Уничтожить сможете?

– Приложу все усилия, Шас-вре, – говорю это не кривя душой. Эта жестянка, дойди она да нас, выпишет смертный приговор всем, до кого дотянется. Если её вскрывать. То только плазмой, ракетницей, или, если вы достаточно опытни в рукопашке – силовым молотом, уворачиваясь от щёлкающих когтей клешни и визга диска циркулярки. Но увы, у меня ничего из этого нет, а значит... А значит выкручиваться будем чем имеем.

Совмещаю кружок прицела с узкой смотровой щелью.

Выстрел!

В тот миг, когда мой палец выбирает свободный ход, нога уродца подгибается, угодив в рытвину и его туша клонится вперёд, уводя тёмную полосу смотровой щели из-под прицела.

«Скотина! Нашёл место» – Рычу я не задумываясь, что на это скажет Шас-вре, требующий от нас отбросить эмоции в бою.

Взз-з-ззз-ззз!

Выпущенный мной огурец бьёт в выпуклую верхнюю крышку КиллаКана и прорубив в ней глубокую борозду, рикошетит, сбивая толстые, закопчённые трубы за спиной уродца.

Ходун замирает. Бессмысленно сводя и разводя клешни. Оглушён?! Возможно.

Трясущимися руками хватаю заряд и подношу его к загрузочной щели. Быстрее... Быстрее же! Пока то зелёное, что сидит внутри, не очнулось!

«Пьюк!»

Выдыхаю и медленно навожу кружок прицела на щель. Чуть придавливаю спуск и колечко начинает наливаться ярким синим цветом. Так... Теперь баллистический вычислитель должен просчитать траекторию. Что же долго-то как! Ну! Тау! Что ваша хваленая электроника так тупит?! Сейчас же орк внутри очнётся и...

Кружок прицела начинает пульсировать, подтверждая окончание вычислений и я, затаив дыхание, плавно и нежно жму спуск.

Выстрел!

Попал? На экранчике ничего не меняется. Демоны! Отродья Хаоса! Вы, что ли наколдовали промах?!

Из смотровой щели выплёскивается поток чёрной крови и я, разом обмякнув, сползаю по камню вниз, хватая ртом, внезапно закончившийся в шлеме воздух.

– Шас-о! – слышу голос сержанта: – Инк! Отличный выстрел! Доложу Этериалу о тебе отдельно!

– Моя стараться, начальника, – отвечаю в духе орков, и секция взрывается дружным смехом, переходящим в поздравления.

Затишье.

После уничтожения КиллаКана проходит более десяти минут, но кусты, те растерзанные остатки, что скрывают вход в ущелье, неподвижны.

Ко мне подходит Шас-вре, сдвигая на затылок шлем.

– Будешь? – В его трёхпалой клешне зажата мутно белая макаронина местного наркотика. Лёгкого, не сильнее наших сигарет, и высочайше не рекомендованного. Этериалами.

– Не, – сдвигаю шлем, качая головой – меня эта дурь не берёт. Вот от стаканчика коньяка я бы не отказался. Хотя нет, вру. Какая сейчас выпивка. Бой не окончен. Говорю об этом сержанту и тот, закинув в рот треть макаронины, смотрит на меня с удивлением.

– Думаешь ещё полезут? После этого? – Обломок макаронины обводит поле, заваленное грудой тел, посреди которой чадит опрокинутый ходун.

– Мы же их вон как раскатали.

– Полезут. Это орки. Им плевать на потери. И ты знаешь, – отцепив флягу, плещу себе в лицо пригоршню холодной воды: – Что-то я не заметил, чтобы орки, как нам Этериалы сказали, передрались по пути.

– Ты сомневаешься в их мудрости?

– Скорее уверен в отсутствии опыта дел с зелёными. Что, – не даю его возмущению разрастись: – Вполне нормально. Это нам, людям, часто с ними пересекаться доводилось.

– Допустим, – он немного смиряет свой начавший было зарождаться гнев: – И что ты предлагаешь?

– Уходить.

– Нам приказано стоять здесь! И пока мы успешны!

– Это пока. Смотри, – киваю на поле: – Первыми шли бойзы. Так, лёгкая пехота. Мясо. После – шагоход. Это уже серьёзнее. Третья волна мощнее будет. Проси подкреплений или отводи парней. Не сдюжим.

– Так может говорить лишь существо, не познавшее мудрости Высших! – Шлем опускается на лицо, завершая неформальное общение.

– Шас-о! Стоим на позиции! Решение Этериалов, приславших нас сюда, верно, ибо истинно!

«Как скажешь», – бормочу себе под нос и сделав глоток воды, опускаю шлем.

Запись номер МХХР-24-ССВА-045

Движение за обломанными кустами притягивает меня к прицелу – там, ещё пока неразличимое в деталях, ворочается нечто огромное. Миг, и давя уцелевшие ростки, из ущелья появляется крупная фигура, заставляющая меня нервно прикусить губу.

Бочкообразный корпус, воздетая к ржавому небу рука-клешня, толстые, массивные ноги... Что? Ещё один КиллаКан?

Походу, та же мысль рождается и в голове Шас-вре:

– Человек! Приказываю уничтожить этот Кун!

– Тал-ка, – перехожу на закрытый канал, нарушая сразу несколько уставных догм. Ну не положено здесь младшему окликать начальство, тем более не по званию, а вот так, фамильярно, по имени.

– Тал-ка. Уводи людей. Немедленно!

– Инк?! – В его голосе неподдельное удивление такому нарушению дисциплины: – Что с тобой? Я готов списать это на твою биологическую горячность, но...

– Уводи бойцов! – Перебиваю его и мне плевать на штрафные баллы, которые он начислит мне после. Пусть начисляет – сейчас важнее, чтобы было кому их начислять.

– Это не КиллаКан. Это Варбосс. А он один не ходит!

– Варр-босс?

– Начальник ихний. Орочий, – вожу прицелом разглядывая фигуру и замечаю, как пространство вокруг него начинает заполняться фигурками, плотно обвешанными железом.

– Видишь орков около него? Это Харды. Хард бойз. Тяжёлая пехота.

Яркая толпа, в цветах доминирует красный, быстро формирует плотное построение вокруг босса и прикрывшись массивными щитами, начинает медленно разгоняться, грозя вот-вот перейти на бег.

Ещё и штурмовые щиты... Ой, как плохо!

– Шас-вре! Уводи...

– Шас-о! – Он не слушает меня: – Огонь по готовности! Мы били их прежде, перебьём и сейчас! Огонь!

Дурак!

По щитам начинают плясать вспышки попаданий. Да, всё же хорошие стволы у этой расы – я вижу, как отваливаются здоровенные куски окованного металлом дерева, но это никак не сказывается на движении отряда. Перейдя на рысь, орки мчатся вперёд, размахивая чоп-пами – грубыми топорами, мечами, дубинами и просто похожими на ломы палками. Ой, как не хорошо...

Приникаю к прицелу, ловя голову Варбосса в прицел.

Выстрел!

Нашаривая в сумке заряд, не отвожу глаз от прицела – пуля, ударив в наплечник и оставив там глубокую борозду, точно как на люке КиллаКана, уходит в рикошет и бьёт в массивную гнутую пластину, закрывающую нижнюю челюсть Варбосса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.